

HISTORIA ROSSICA

ИВАН
САБЛИН

ДАЛЬНЕ- ВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА

ОТ ИДЕИ
ДО ЛИКВИДАЦИИ

ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Иван Саблин

**Дальневосточная республика.
От идеи до ликвидации**

«НЛО»

2020

Саблин И.

Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации /
И. Саблин — «НЛО», 2020 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1415-4

В апреле 1920 года на территории российского Дальнего Востока возникло новое государство, известное как Дальневосточная республика (ДВР). Формально независимая и будто бы воплотившая идеи сибирского областничества, она находилась под контролем большевиков. Но была ли ДВР лишь проводником их политики? Исследование Ивана Саблина охватывает историю Дальнего Востока 1900–1920-х годов и посвящено сосуществованию и конкуренции различных взглядов на будущее региона в данный период. Националистические сценарии связывали это будущее с интересами одной из групп местного населения: русских, бурят-монголов, корейцев, украинцев и других. В рамках империалистических проектов предпринимались попытки интегрировать регион в политические и экономические зоны влияния Японии и США. Большевики рассматривали Дальний Восток как плацдарм для экспорта революции в Монголию, Корею, Китай и Японию. Сторонники регионалистских (областнических) идей ставили своей целью независимость или широкую региональную автономию Сибири и Дальнего Востока. На пересечении этих сценариев и появилась ДВР, существовавшая всего два года. Автор анализирует многовекторную политическую активность в регионе и объясняет, чем была обусловлена победа большевистской версии государственнического имперского национализма. Иван Саблин – глава исследовательской группы при департаменте истории Гейдельбергского университета (Германия).

ISBN 978-5-4448-1415-4

© Саблин И., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

Благодарности	6
Пояснение к тексту	7
Введение	8
Глава 1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иван Саблин

Дальневосточная республика.

От идеи до ликвидации

Благодарности

Я хотел бы выразить благодарность Елене Саблиной, Лилии Саблиной, Кэролайн Хамфри, Тане Пентер, Акифуми Сиоя, Александру Семёнову, Уилларду Сандерленду, Сергею Глебову, Рональду Григору Суни, Илье Герасимову, Даниилу Сухану, Александру Турбину, Саре Бэдкок, Александру Кучинскому, Кири Парамору, Яну Кэмпбеллу, Акире Саиде, Наталье Рыжовой и Питеру Соудену за их поддержку, советы и помощь в ходе моей работы над проектом. Архивные и прочие материалы для этой книги были собраны в рамках исследовательских проектов «Сравнительные исторические исследования империи и национализма» (под руководством Рональда Григора Суни и Александра Семёнова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, 2014–2016 гг.), а также «Где встречаются восходящие державы: Китай и Россия на своей североазиатской границе» (под руководством Кэролайн Хамфри, Кембриджский университет, 2015 г.). Хотел бы особо отметить профессионализм и отзывчивость сотрудников Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (МИДВ), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Национальной библиотеки Финляндии, которые очень помогли мне в ходе работы над проектом. Написание книги по большей части стало возможным благодаря поддержке Центра исторических исследований (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге), Хельсинкской коллегии перспективных исследований (Хельсинкский университет и Фонд Конне), а также департамента истории (Гейдельбергский университет и Немецкое научно-исследовательское сообщество).

Пояснение к тексту

Для дат после 14 февраля 1918 года используется григорианский календарь; для предыдущих событий, связанных с Российской империей, – юлианский; впрочем, в некоторых случаях определить, к какому календарю относится дата, не удалось. Карты вычерчены с использованием равнопромежуточной конической проекции.

Введение

В марте и апреле 1920 года во Владивостоке и Верхнеудинске при поддержке большевиков были провозглашены два правительства, претендующие на территорию российского Дальнего Востока, а 27 апреля 1921 года Учредительное собрание Дальнего Востока, избранное в ходе всеобщих выборов, но также контролируемое большевиками, официально завершило создание Дальневосточной республики (ДВР) со столицей в Чите. Формально ДВР была демократическим государством с капиталистической экономикой. Провозглашение российского Дальнего Востока от Байкала до Тихого океана суверенным государством, на первый взгляд, не способствовало целостности постимперской России. С точки зрения некоторых современников, создание независимого переселенческого государства стало воплощением идей сибирского областничества – движения, стремившегося к правовой и экономической автономии Северной Азии¹. Многие, впрочем, не верили в независимость государства, правительство которого находилось под контролем большевиков, и считали ДВР аванпостом Коммунистического интернационала (Коминтерна), решительно отвергавшего национальные государства как форму политической организации и, следовательно, враждебного национализму².

Однако ДВР не стала ни проявлением регионального самоопределения, ни проводницей большевистского интернационализма. Действительно, Александр Михайлович Краснощёков, уроженец Украины, который вернулся в Россию из США в 1917 году и стал главным большевистским архитектором ДВР, был сторонником региональной автономии, в то время как его соперник Борис Захарович Шумяцкий, видный сибирский большевик, относился к национальному суверенитету без особого пиетета и стремился спровоцировать серию революций в Восточной Азии. Большая часть большевистского руководства региона, однако, опиралась на российский (и зачастую русский)³ национализм, когда на поддержку ДВР нужно было мобилизовать население, включая членов партии. Хотя распад бывшей Российской империи в ходе Гражданской войны, а также опыт политической независимости и способствовали консолидации российского Дальнего Востока как отдельного региона в рамках советского имперского образования, дальневосточный регионализм так и не достиг размаха сибирского областничества и остался укорененным в российском национализме⁴.

Поддержка большевиками российского (и, особенно, русского) национализма может показаться парадоксальной, однако он занял важное место в их риторике. Впрочем, апелляции к российскому национализму не были исключительно политическим ходом. Большевики не только использовали националистический дискурс, но и поставили в зависимость от него свою внешнюю и внутреннюю политику, что способствовало их отходу от радикального интер- и транснационализма и созданию новой версии российского имперского национализма. Особенно сильны оказались этатистские (государственнические) и оборонческие элементы националистического дискурса, получившие распространение среди значительной части населения

¹ Norton H. K. The Far Eastern Republic of Siberia. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1923.

² Коммунистический интернационал. 1919 г. 1 мая. № 1, С. 11–12, 19–20.

³ Деление на русский и российский национализм для указанного периода весьма условно. В контексте данной монографии под русским национализмом понимается этнически эксклюзивная интерпретация политического сообщества, а под российским – имперская, инклюзивная. В источниках четкой дифференциации между словами «русский» и «российский» нет.

⁴ Сибирское областничество, впрочем, тоже было тесно связано с российским национализмом. Объясняя идеи видного областника Николая Михайловича Ядринцева своим читателям, Григорий Николаевич Потанин, другой видный областник, подчеркнул, что патриотизм по отношению к своему региону (Сибири) не противоречит патриотизму в отношении всей России, а дополняет его (*Потанин Г. Н. Нужды Сибири (1908) // Потанин Г. Н. Избранное / Сост. А. П. Казаркин. Томск: Томская писательская организация, 2014. С. 112).*

империи в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)⁵. Необходимость сохранения российского Дальнего Востока в составе Российского государства, советского или несоветского, а также его защиты от японского империализма стала главным лозунгом как при формировании ДВР в 1920–1921 годах, так и при ее включении в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР) в 1922 году, после того как японцы покинули материковую часть региона. Многие местные большевики искренне поддерживали русское национальное дело, а некоторые из них относились с явным шовинизмом к крупнейшим меньшинствам региона – бурят-монголам (бурятам), украинцам, корейцам и китайцам. Большевики были не единственными, кто претендовал на роль представителей русской (и российской) нации в регионе. Их оппоненты – забайкальский казак Григорий Михайлович Семёнов, юрист Спиридон Дионисьевич Меркулов и другие руководители антибольшевистских правительств – тоже выступали в амплу защитников русских интересов, стремясь добиться поддержки населения. Но их мнение о том, что лучше зависеть от Японии, чем быть частью антинационального Советского государства, не нашло понимания среди большинства жителей российского Дальнего Востока, многие из которых имели смутное представление о Советской России в ее первые радикальные годы, а за время интервенции стран Антанты (1918–1922 гг.) успели стать непримиримыми противниками иностранного военного присутствия.

Как ни странно, лозунг национальной независимости России от иностранного государства, а не от большевиков встретил сочувствие и среди японской, американской и другой иностранной общественности, которая «говорила» на глобальном языке национализма. В момент присоединения ДВР к РСФСР многие в мире уже считали большевиков российским правительством и центром нового имперского образования. К примеру, Гарольд С. Квигли, анализируя недолгое существование республики, отметил, что советские лидеры не считают, что создание на территории Российской империи таких формально независимых государств, как ДВР или Советская Украина, «прочерчивает политическую границу и создает суверенный анклав, отделенный от русского [или российского] народа в целом»⁶.

Большевики сумели максимально ослабить как местных, так и иностранных оппонентов в регионе, обратившись к леволиберальной версии российского имперского национализма, которая получила распространение среди дальневосточной общественности в годы Первой русской революции 1905–1907 годов и достигла своего расцвета во время Февральской революции 1917 года. Леволиберальный имперский национализм, который можно определить как синтетический и амбивалентный дискурс⁷, основывающийся на включении этнических русских и нерусских бывшей империи в одно сообщество, а также как политическую программу наделения более широкими правами и возможностями маргинализированных классов, национальных меньшинств и других социальных групп, позволил большевикам привлечь на свою сторону как сторонников единства российского государства, так и тех, кто выступал за частные (партикулярные) интересы своих групп⁸. Хотя некоторые бурят-монголы и корейцы поддерживали

⁵ Национализм стал одним из важнейших глобальных и имперских дискурсов в годы Первой мировой войны, а военная мобилизация – важнейшим прототипом мобилизаций в революционный и раннесоветский периоды; к ней прибегали как большевики, так и их оппоненты (*Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002; The Empire and Nationalism at War / Eds. E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. Von Hagen. Bloomington, IN: Slavica, 2014.*)

⁶ *Quigley H. S. The Rise and Fall of the Far Eastern Republic // Chinese Social and Political Science Review. 1924. № 8 (1). P. 134.*

⁷ *Brubaker R. The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between «Civic» and «Ethnic» Nationalism // Nation and National Identity: The European Experience in Comparison / Ed. by H.-P. Kriesi, K. Armingeon, H. Siegrist, A. Wimmer. Zurich: Rügger, 1998. P. 55.*

⁸ Хотя общее пространство русского языка играло важную роль в «воображении» этого сообщества (*Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. and extended ed. London: Verso, 1991*), роль объединителя разных групп населения отводилась преобразованному имперскому государству. Подробнее об имперском национализме и самоорганизации см.: *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Ed. by R. G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001* (см. русск. перевод: Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху

Семёнова и С. Д. Меркулова, обещания национальной автономии, отчасти выполненные в ДВР, а также поддержка Коминтерном монгольского и корейского национальных движений уменьшили число противников большевиков среди самых крупных организованных национальных меньшинств региона. Умеренная экономическая политика большевиков, введенная в ДВР в 1920 году, а в РСФСР получившая название новой экономической политики (НЭП) в 1921 году, казалась многим крестьянам региона и некоторым предпринимателям лучшей альтернативой полной экономической зависимости от Японии. В конце концов, «левый» и «либеральный» аспекты националистического дискурса многими в регионе воспринимались в экономическом, а не в политическом смысле и необязательно подразумевали создание по-настоящему представительного правления.

Социальные и экономические компромиссы оказались недолговечными. Корейцы не получили автономии и в 1937 году подверглись насильственному переселению с Дальнего Востока. Буддисты-буряты столкнулись с религиозными преследованиями уже в 1920-е годы. Частное предпринимательство было заключено в жесткие рамки, а после отмены НЭПа в 1928 году практически ликвидировано. В ходе начавшейся в 1929 году коллективизации зажиточные крестьяне всех национальностей были раскулачены – как и повсюду в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР). Но большевики продолжили осуществление своих государственных националистических лозунгов. Внешняя политика на Дальнем Востоке стала опираться в первую очередь на имперские государственные, а не классовые интересы еще до 1925–1926 годов, когда построение «социализма в отдельно взятой стране» стало основным принципом Советского государства. В 1930-е годы Дальний Восток вновь стал чем-то вроде региона-«крепости», как и в Российской империи, где он представлялся русским национальным аванпостом во враждебном международном окружении⁹.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Начиная с III века до нашей эры многие государственные образования претендовали на отдельные части обширной территории, простирающейся от Байкала до Тихого океана: держава сюнну (хунну), корейское государство Когурё, тунгусско-корейское государство Бохай (Пархэ), киданьская держава Ляо, чжурчжэньское царство Цзинь, Монгольская империя и ее наследница империя Юань, а также китайская империя Мин. С XVII века эта территория была динамичным пограничьем, где сходились периферии Цинской и Российской империй. В Забайкалье, на территории между Байкалом и верхним Амуром, на протяжении столетий жили многочисленные буряты, дауры и другие монголоязычные, а также тунгусо- и тюркоязычные группы. Коренное население в низовьях Амура и вдоль Тихоокеанского побережья, от Чукотского полуострова до Кореи, было не таким многочисленным, но чрезвычайно разнообразным: здесь в начале XX столетия жили носители тунгусских языков (эвенки, эвены, удэгейцы, нанайцы, солоны, негидальцы, орочи, ороки, ульчи и другие), чукотско-камчатских (чукчи, коряки и ительмены), юкагирских, эскимосско-алеутских и языков-изолятов (нивхи)¹⁰.

Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Маргина. М., 2011); *Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire* / Eds. I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. Leiden: Brill, 2009.

⁹ Подробнее об официальном отношении к региону в период Российской империи см.: *Schimmelpenninck O.D. van der. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2001 (см. русск. перевод: *Схиммельпенник О.Д. ван дер. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией*. М., 2009).

¹⁰ История Бурятии / Гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 1. Древность и средневековье; *Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Крадин Н. Н. Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс, 2007; *История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века* / Отв. ред. А. И. Крушанов. М.: Наука, 1989.

Коренное население главным образом занималось скотоводством, охотой, рыболовством и оленеводством, в первую очередь для опеспечения своих сообществ, в то время как ново-прибывших – корейцев, китайцев, а с XVII века и русских – привлекали сюда ресурсы, годившиеся на продажу, – женьшень, панты и трепанги, а также меха. Некоторые из новоприбывших занялись оседлым земледелием. Соперничество за ресурсы, в том числе за «налогообложение» коренных жителей, во второй половине XVII столетия вылилось в имперское соперничество Романовых и Цин. По Нерчинскому договору, подписанному в 1689 году, Забайкалье и северная часть Тихоокеанского побережья были признаны частью России, а долины рек Амура и Уссури – частью Цинской империи. В XVIII веке, после Нерчинского и последовавших за ним договоров, вектор российской экспансии сместился на северо-восток – на Камчатку, Чукотку и Аляску, в то время как Забайкалье стало территорией торговли двух империй. Но во второй половине XIX века долины Амура и Уссури вновь стали местом российско-цинского, а затем и российско-японского соперничества¹¹.

По Айгуньскому и Тяньцзиньскому договорам (1858 г.), а также Пекинской конвенции (1860 г.) Цинская империя уступила Российской обширные территории к северу от Амура и востоку от Уссури. Присоединение долины Амура стало результатом кризиса империи Цин, выразившегося в восстании тайпинов (1850–1864 гг.) и второй опиумной войне (1856–1860 гг.), а также переориентации России с Черного моря на Тихий океан после поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.). Оно было продолжением континентальной экспансии России в Северную Азию (Сибирь) вдоль рек, но вместе с тем и результатом усилий генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева (в скором времени он станет известен как Муравьев-Амурский) и других «амурцев», стремившихся использовать реку Амур для интеграции России в Тихоокеанский макрорегион. Экспансия сопровождалась формированием Забайкальского (1851 г.), Амурского (1858 г.) и Уссурийского (1860 г.) казачьих войск, а также созданием военных постов, впоследствии ставших городами, – Николаевска (1850 г.), Благовещенска (1856 г.), Хабаровки (1858 г., с 1893 г. – Хабаровск) и Владивостока (1860 г.). Новоприсоединенные земли стали называться Амурским или Приамурским краем, или Приамурьем. В 1884 году Забайкальская, Амурская и Приморская области были объединены в Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровке¹².

Усиление России в Тихоокеанском регионе имело важные последствия для политики Японской и Цинской империй. Страх того, что Россия завладеет Маньчжурией и Кореей, способствовал появлению паназиатского дискурса, сформулированного как необходимость сотрудничества Японии, Цинской империи и Кореи против Запада (в данном случае представленного Россией), а также «ответной» японской экспансии, начавшейся в 1874–1875 годах¹³. Кроме того, передача России Цинских земель способствовала отмене запретов на переселение китайцев-хань в Маньчжурию в 1878 году, а позднее и отмене системы Восьми знамен, взамен которой в 1907 году в Маньчжурии были созданы три провинции¹⁴.

Симодский трактат (1855 г.) и Санкт-Петербургский договор (1875 г.) с Японией, закрепивший за Россией Сахалин, а также продажа Аляски США (1867 г.) установили морскую границу Приамурского края. В 1860–1870-е годы, когда основным направлением российской экс-

¹¹ Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony; *Stephan J. J.* The Russian Far East: A History. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. P. 14–39.

¹² *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; *Ремнёв А. В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Издание ОмГУ, 2004.

¹³ *Fumoto S.* Russia's Expansion to the Far East and Its Impact on Early Meiji Japan's Korea Policy // *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945* / Ed. by K. Matsuzato. Lanham, MD: Lexington Books, 2017. P. 2, 4.

¹⁴ *Tsakase S.* The Russian Factor Facilitating the Administrative Reform in Qing Manchuria in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945* / Ed. by K. Matsuzato. Lanham, MD: Lexington Books, 2017. P. 15, 24, 26–27.

пансии стали Средняя Азия и Балканы, Приамурье в значительной степени оказалось забыто. Но после того как на Берлинском конгрессе 1878 года не удалось защитить российские интересы в «восточном вопросе», государство опять проявило интерес к Приамурью, создав в 1880 году Владивостокское военное губернаторство, подчиненное морскому ведомству. Впрочем, отдаленность региона от Европейской России, малочисленность его населения и незначительная численность находившихся в регионе войск стали препятствием для дальнейшей экспансии, и в 1888 году Владивосток вновь стал частью Приморской области. Однако именно в 1880-е годы термин «Дальний Восток», с середины XIX столетия обозначавший Азиатско-Тихоокеанский регион, стал использоваться по отношению к Приамурью¹⁵ и Приморью, что свидетельствовало об интересе российских элит к «дальневосточному вопросу» – растущему соперничеству Японии, США и европейских держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе вообще и в Цинской империи в частности¹⁶.

Тройственная дипломатическая интервенция (1895 г.) России, Германии и Франции после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. дала старт новой волне империализма на территории Цинской империи, и, подобно другим державам, вовлеченным в дальневосточный вопрос, Россия стала обладательницей экстерриториальных владений и железнодорожных концессий. Она получила концессию на строительство Китайско-Восточной железной дороги (1896 г.), а также право аренды южной оконечности Ляодунского полуострова в Маньчжурии (1898 г.) и незначительные по размеру концессии в Ханькоу (1896 г.) и Тяньцзине (1900 г.). Однако, в отличие от построенной французами железной дороги Куньмин – Хайфон (1904–1910 гг.) и других иностранных инфраструктурных проектов, КВЖД (1898–1903 гг.) играла важнейшую роль во внутренней топологии Российской империи, став одним из участков Транссибирской магистрали (1891–1916 гг.) – главной транспортной артерии, соединявшей Европейскую Россию с побережьем Тихого океана¹⁷.

Аренда южной части Ляодунского полуострова, на которой была образована Квантунская область, обозначила новый этап российской экспансии. Полуостров стал новыми воротами империи на Тихом океане, как с военной, так и с коммерческой точки зрения. Внимание государства переключилось с Приамурья и Приморья на новые порты – Порт-Артур и Дальний (Далянь или Дайрен), а также новый железнодорожный узел – Харбин (1898 г.). Региональные власти, возмущенные равнодушием правительства к Приамурскому генерал-губернаторству, выступали против строительства железной дороги через Маньчжурию. Но Петербург не только подтвердил этот план, но и продемонстрировал новые приоритеты своей политики, сделав в 1903 году Порт-Артур столицей Дальневосточного наместничества, объединившего Приамурское генерал-губернаторство, зону отчуждения КВЖД и Квантунскую область. Наместник Евгений Иванович Алексеев был облечен полной военной и гражданской властью в регионе; ему были поручены отношения с Пекином, Токио и Сеулом. Таким образом, Дальний Восток получил особый статус в рамках империи. Кроме того, создание наместничества подтвердило вовлеченность России в дальневосточный вопрос, что вскоре привело к Русско-японской войне (1904–1905 гг.)¹⁸.

¹⁵ Термин «Приамурье» использовался по отношению к землям вдоль реки Амур, к административной Амурской области, к южной части Приморской области и ко всему Приамурскому генерал-губернаторству.

¹⁶ Davidson G. F. Trade and Travel in the Far East. London: Madden and Malcolm, 1846; Репиёв А. В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти. С. 142, 281, 290–291; Stephan J. J. The Russian Far East. P. 54–58.

¹⁷ Marks S. G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.

¹⁸ Милежик А. В. Дальневосточное наместничество как попытка реформы регионального управления, 1903–1905 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 3. С. 110–115; Schimmelpenninck O.D. van der. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan; Stephan J. J. The Russian Far East. P. 57–61 (см. русск. перевод: Схimmelпепенинк О.Д. ван дер. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009).

Российская экспансия на тихоокеанском направлении, как и в других частях империи, сопровождалась переселенческим колониализмом¹⁹, но в этом плане Забайкалье и Приамурский край отличались как друг от друга, так и от остальной Северной Азии. В отличие от земель к западу от Байкала, где важную роль играло несанкционированное переселение, колонизация Забайкалья в большей степени была делом государственным. Большинство крестьян, на 1897 год составлявших 36 % от общего населения Забайкальской области (672 037 человек), были потомками сосланных сюда представителей религиозных меньшинств (в основном староверов), преступников и политических ссыльных. Вторая по численности группа, казаки (29 %), тоже первоначально оказалась здесь усилиями государства. Доля инородцев (эта сословная группа включала в себя в основном коренных жителей – бурят и эвенков)²⁰ составляла 27 % населения. Число крестьян, самостоятельно переехавших в Забайкалье, осталось незначительным даже после того, как государство стало поддерживать добровольное массовое переселение, с 1890-х годов шедшее параллельно со строительством железной дороги. Впрочем, между коренными жителями и новоприбывшими все равно происходили конфликты, чему виной была сравнительная нехватка плодородных земель²¹.

Приамурский край отличался от остальной Северной Азии тем, что правительство поощряло переселение сюда задолго до 1890-х годов. После трех лет казачьей и солдатской колонизации Муравьев-Амурский поддержал введение особых правил для переселенцев в Амурскую и Приморскую области в 1861 году. Как русские, так и иностранцы могли получить на семью по 100 десятин (109 гектаров) государственной земли в запашку, а также освобождение от подушных податей (пожизненно), военной службы (на 10 лет) и арендной платы за землю (на 20 лет). Эти льготы вкупе с введенным в 1860-е годы режимом беспошлинной торговли (порто-франко) привлекли поселенцев из Европейской России и Кореи. Впрочем, из-за удаленности и тяжелых климатических условий число переселенцев росло медленно, что разрушило надежды на быструю интеграцию России в Тихоокеанский регион и заставило правительство продлить большинство льгот в 1882 году. Благодаря этому решению, а также открытию постоянного морского сообщения с Одессой на Дальний Восток прибыло множество новых переселенцев из европейской части империи, в первую очередь с территории Украины. С 1883 по 1899 год только в Южно-Уссурийском крае на самом юге Приморской области поселились 42 253 человека. Хотя с 1882 года льготы не распространялись на иностранцев, корейское население в Приамурском крае тоже увеличилось с приблизительно 9 тысяч в 1870 году до 32 298 человек в 1901 году. Более того, те корейцы, которые поселились на этой земле до русско-корейского договора 1884 года, могли претендовать на российское подданство и 15 десятин земли. Хотя в абсолютных цифрах поселенцев-корейцев было немного, в России их появление в регионе вызвало тревогу по вопросу безопасности границ, а в Японии – представление о российской угрозе: корейское переселение виделось частью российской политики по размыванию границы с Кореей, что являлось подготовкой к прямой российской экспансии²².

¹⁹ Morrison A. Russian Settler Colonialism // The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism / Ed. by E. Cavanagh, L. Veracini. London: Routledge, 2017. P. 313–326.

²⁰ К категории «инородцев» относили нерусские группы коренного населения, но некоторые представители коренного населения также относились к крестьянскому или казачьему сословию. Инородцы были наименее привилегированным сельским сословием, а казаки – наиболее привилегированным.

²¹ История Бурятии / Гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 2. XVII – начало XX в.; Головачёв П. М. Экономическая география Сибири. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. С. 15, 17–18; Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Интернет-версия: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения: 1 декабря 2015 г.); Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнарёв и Ко, 1902. С. 25–36, 52–53, 76, 140–144, 243.

²² Fumoto S. Russia's Expansion to the Far East and Its Impact on Early Meiji Japan's Korea Policy // Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945 / Ed. by K. Matsuzato. Lanham, MD: Lexington Books, 2017. P. 8–9; Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. С. 65, 169–177, 180, 300–301; Sablin I., Kuchinsky A. Making

Золотодобыча в Амурской области, строительство железной дороги, растущие города – все это способствовало притоку новых людей, в том числе китайцев, предпочитавших не переселяться сюда насовсем, а устраиваться на временную работу. К 1900 году китайская рабочая сила играла существенную роль в торговле, добыче полезных ископаемых, транспорте, строительстве, земледелии, домашнем услужении и других сферах. Густав Кунст и Густав Альберс из Гамбурга, Иван Яковлевич Чуринов из Иркутска и Юлиус (Юлий Иванович) Бринер из окрестностей Женевы основали в 1860–1880-е годы крупные торговые компании. Японские предприниматели тоже обосновались во всех городах региона. Государственные и частные инвестиции, порто-франко, переселение и дислокация вооруженных сил благоприятствовали росту городов: на 1897 год Благовещенск насчитывал 32 834 жителя, Владивосток – 28 900, а Хабаровск – 14 971. Общая численность населения Амурской области в 1897 году достигла 120 306, а Приморской – 223 336 (не считая 28 113 жителей Сахалина, по большей части ссыльных). Несмотря на отмену порто-франко в 1900 году, уменьшение земельных наделов и переключение государственных инвестиций на Маньчжурию, население российского Дальнего Востока продолжало расти. С 1901 года, когда частично заработала КВЖД, многочисленные переселенцы из европейской части империи и других районов Сибири стали прибывать в Приамурский край по железной дороге²³.

Население Приамурского генерал-губернаторства было чрезвычайно разнообразным. Согласно переписи населения 1897 года, большинство от общего числа жителей Забайкальской, Приамурской и Приморской областей (1 043 792 человека) составляли носители русского языка (59 %). Крупнейшие меньшинства говорили на бурятском (17 %), украинском (6 %), «тунгусском» (5 %), китайском (4 %), корейском (2 %) и чукотском (1 %). Православные (в интерпретации официальной церкви) были на конец XIX столетия религиозным большинством, но, кроме них, в регионе имелись общины других христиан (староверов, католиков, лютеран, баптистов, адвентистов и других), а также буддистов, конфуцианцев, мусульман, евреев и шаманистов. Население было распределено неоднородно: на некоторых территориях (часть Забайкалья, Чукотка и Камчатка) по-прежнему жили преимущественно коренные жители региона, на других территориях большинство составляли украинцы (части Амурской и Приморской областей) или корейцы (южная оконечность Приморской области)²⁴.

Присоединение Приамурья и Приморья внесло свой вклад в дискуссии о децентрализации и регионализации Российской империи. Идея того, что Сибирь от Урала до Тихого океана представляет собой особый регион империи, восходит к проектам по децентрализации участников восстания декабристов (1825 г.), а также первого поколения российских социалистов. Михаил Александрович Бакунин, находившийся в 1857–1861 годах в сибирской ссылке, Александр Иванович Герцен и другие противники режима надеялись, что Приамурье поможет североамериканской демократии распространиться в Северную Азию. Ожидалось, что затем

the Korean Nation in the Russian Far East, 1863–1926 // Nationalities Papers. 2017. № 45 (5). P. 798–814; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX в.): документы и материалы в 2 кн. / Сост. Н. А. Троицкая и др.; ред. А. А. Торопов, Н. А. Троицкая, Э. В. Ермакова. Владивосток: РГИА ДВ, 2004. Кн. 1. С. 6.

²³ Институт демографии Национального исследовательского университета; *Stephan J. J. The Russian Far East*. P. 67–68.

²⁴ В 1897 году в число языковых групп, насчитывавших от тысячи до 10 тысяч носителей, входили носители «еврейского» (главным образом носители идиша, 9799 человек), польского (6813), нивхского (6191), корякского (6058), татарского (5675), камчадальского (3978), маньчжурского (3393), белорусского (2693), японского (2570), айнского (1434) и эскимосского (1099) языков (Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Интернет-версия: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения: 1 декабря 2015 г.)). Согласно официальным данным за 1893–1895 годы, православные христиане составляли 64,5 % населения Забайкальской области, 63 % населения Амурской области и 72 % населения Приморской области. Буддисты составляли соответственно 25,3 %, 16 % и 11 %. В Приморской области 5 % составляли конфуцианцы. В конце XIX века государство прикладывало большие усилия для распространения православия, строило церкви и организовывало миссионерскую деятельность, но результаты этих усилий были не слишком впечатляющи (Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сб. документов Государственного архива Хабаровского края / Под ред. Ю. Н. Бакаева, А. В. Рябовой; сост. Е. Б. Бакшеева, Л. А. Вараксина, О. И. Иванова, Н. А. Соловьева. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. С. 42–43, 50–52, 57–58, 83, 88–89).

Сибирь станет проводником демократизации всей России. Хотя к концу 1860-х годов взгляд на роль Приамурья пересмотрели, политические дискуссии продолжились во многом благодаря массовым ссылкам оппозиционных интеллектуалов всех мастей, от польских националистов до народников и других социалистов, в Забайкалье, Якутскую область, на Сахалин и в другие части Северной Азии. Из-за слабости инфраструктуры и управления государство не могло заставить замолчать сибирскую оппозицию²⁵.

В начале 1860-х годов Афанасий Прокопьевич Щапов, родившийся в Иркутской губернии в семье русского и бурятки, выдвинул свой проект децентрализации России. Каждой области следовало предоставить самоуправление посредством земских советов, а главным органом демократической федерации должен был стать земский собор. В эти же годы украинские интеллектуалы тоже разрабатывали идею превращения России в федерацию. Вдохновленные этими идеями Серафим Серафимович Шашков (учившийся у Щапова), Николай Михайлович Ядринцев, Григорий Николаевич Потанин и другие сибиряки, посещавшие Петербургский университет, сформулировали концепцию Сибири как колонии Европейской России, выступив за ее широкую автономию или даже независимость. Нераспространение на Сибирь земского самоуправления, введенного в части Европейской России в 1864 году, способствовало консолидации их взглядов. Подобно украинскому движению, сибирский «сепаратизм» в скором времени подвергся репрессиям: в 1868 году Ядринцев был приговорен к тюремному заключению, а Потанин отправлен на каторгу. Но сибирский регионализм (областничество) выжил, превратившись в подобие политической программы, подразумевавшей введение в Сибири земского самоуправления, создание здесь учреждений высшего образования, прекращение ссылки в Сибирь и предоставление региону экономической и правовой автономии. Кроме того, сибирские областники призывали уделить внимание проблемам коренного населения Сибири, а Владимир Ильич Иохельсон, Владимир Германович Богораз, Лев Яковлевич Штернберг, Бронислав Пилсудский и другие ссыльные встали у истоков сибирской этнографии²⁶.

Хотя открытие Томского университета в 1878 году можно интерпретировать как уступку сибирским интеллектуалам, высшее образование к востоку от Байкала появилось благодаря экспансионизму Петербурга. Владивостокский Восточный институт, основанный с целью укрепления влияния России в Восточной Азии путем обучения языкам и проведения научных исследований, в скором времени стал важнейшим центром востоковедения, в котором преподавали выдающиеся китаисты (Аполлинарий Васильевич Рудаков), японисты (Евгений Генрихович Спальвин), корееведы (Григорий Владимирович Подставин), а также монголоеды и тибетологи (Алексей Матвеевич Позднеев), в большинстве своем раньше работавшие в Петербургском университете. Многие из этих ученых представляли прогрессивное течение в имперской науке, выступая за погружение в языковые среды и привлекая носителей иностранных языков в качестве учителей, информантов и участников исследований. Бурят Гомбожаб Цыбиков, заведовавший кафедрой монгольской словесности во Владивостокском институте, стал одним из первых инородцев, занявших такую должность. Но существующие иерархии никуда не делись. Цыбен Жамцарано, Базар Барадин и другие выдающиеся бурятские ученые, несмотря на активное участие в полевых исследованиях и преподавании, не могли надеяться на аналогичные посты до 1917 года. Более того, даже ученые-прогрессисты глядели на мир с европоцентричной точки зрения. В 1900 году Спальвин, восхищаясь достижениями Японии,

²⁵ Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East. P. 168–173.

²⁶ Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П., Ремнев А. В., Суворова Н. Г., Шахеров В. П., Шиловский М. В. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 302–335; Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб.: И. М. Сибиряков, 1892; Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. С. 130; Потанин Г. Н. Нужды Сибири; Von Hagen M. Federalisms and Pan-Movements: Re-Imagining Empire // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. by J. Burbank, M. Von Hagen, A. Remnev. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. P. 502.

вместе с тем указывал на нехватку творческого начала у японцев, утверждая, что они просто подражают Европе, подобно тому как раньше подражали Китаю²⁷.

Джон Дж. Стефан, проводя аналогию с сибирскими областниками, видел в образованном слое приамурского общества «заамурцев» или проторегионалистов российского Дальнего Востока. Действительно, многие из них критиковали политику правительства как наносящую вред региону, но единства среди них не было. Тем не менее учреждение местных исследовательских организаций способствовало территориальной концептуализации Забайкалья и Приамурского края. Общество изучения Амурского края (Владивосток, 1884 г.) и Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (ИРГО) (Хабаровск, 1894 г.), музеи и библиотеки в городах к востоку от Байкала, финансировавшие экспедиции, публиковавшие исследования и служившие местом для дискуссий, помогли включить регион в научное пространство Российской империи. Многие ученые занимались как естественными, так и социальными науками. Например, доктор Николай Васильевич Кирилов, один из основателей Читинского подотдела Приамурского отдела ИРГО, писал о вопросах здравоохранения среди бурят. Владимир Клавдиевич Арсеньев изучал географию региона и вместе с тем занимался этнографическими исследованиями, критикуя государственную политику в отношении коренного населения и указывая на примеры долгового рабства, разорительной торговли и других способов эксплуатации инородцев, к которым прибегали китайцы в Южно-Уссурийском крае²⁸.

Впрочем, и социальное положение китайцев было неблагоприятным. Иерархия групп населения в регионе была одновременно следствием внутриимперского неравенства разных этнических, религиозных и социальных категорий, а также межимперского дискурса, связанного с дальневосточным вопросом, выдвигавшим на передний план конкуренцию между «расами». Потенциальная роль «желтого труда» в мировой экономике представлялась очень важной, но вместе с тем, по мнению многих современников, «желтая опасность» европейской цивилизации требовала европеизации Азиатско-Тихоокеанского региона²⁹. Тенденция к «национализации» (переходу от династического государственного образования к национальному государству), набиравшая обороты в Российской империи начиная со второй половины XIX века, а также мировой империализм подталкивали правительство к политике русификации и христианизации. Впрочем, несмотря на общую принадлежность китайцев, корейцев и японцев к «желтой расе», российские чиновники относились к ним по-разному. За исключением антикорейски настроенного Павла Федоровича Унтербергера, губернатора Приморской области в 1888–1897 годах и приамурского генерал-губернатора в 1905–1910 годах, большинство чиновников лучше относились к корейцам, чем к китайцам. Местные власти, ссылаясь на лучшую интегрированность корейцев в жизнь империи, позволили им в 1890-е годы массово перейти в российское подданство. В то же время многие корейцы селились вдоль границы, что вызывало тревогу у ряда чиновников. Регулярно звучали предложения ограничить корейскую иммиграцию и переселить корейцев подальше от границы³⁰.

Китайцев периодически воспринимали как представителей враждебного государства. В соответствии с Айгунским договором китайские жители Приморской области сохранили Цинское подданство, и это сыграло свою роль в так называемой «манзовской войне» 1867–1868

²⁷ История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939 / Сост. О. В. Усталова, К. Б. Абрамова, Е. М. Гончарова, Д. И. Мелюхов; ред. Э. В. Ермакова, И. Е. Каргинова, Н. А. Троицкая, А. А. Торопов. 2-е изд. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 139–148; *Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods.* Oxford: Oxford University Press, 2011.

²⁸ *Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк историко-этнографический.* Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. С. 35, 49, 83–91; *Stephan J. J. The Russian Far East.* P. 93–98.

²⁹ *Hsu C. Y. A Tale of Two Railroads: «Yellow Labor», Agrarian-Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s // Ab Imperio.* 2006. № 3. P. 217–253; *Lewis R. E. The Educational Conquest of the Far East.* N. Y.: F. H. Revell Company, 1903.

³⁰ *Sablin I., Kuchinsky A. Making the Korean Nation in the Russian Far East.*

годов, начавшейся с попыток взять под контроль экономическую деятельность китайских старателей и переросшей в китайское восстание против России. После этого конфликта администрация стремилась установить контроль над китайцами, что, в частности, привело к их массовой регистрации в 1880-е годы. В 1900 году, когда Россия принимала участие в подавлении антиимпериалистического Ихэтуаньского восстания (1899–1901 гг.), несколько тысяч китайцев были убиты в Амурской области. После бомбардировки Благовещенска китайскими войсками и российской оккупации правого берега Амура военный губернатор Амурской области Константин Николаевич Грибский приказал выселить всех китайцев на другой берег реки. Русская армия и поселенцы-казаки (в том числе и дети) загнали в Амур порядка 4 тысяч китайцев; тех, кто шел слишком медленно или пытался избежать верной смерти в воде, хлестали нагайками, рубили саблями, в них стреляли; до правого берега добрались не более 100 человек. В следующие дни подобным же образом были убиты еще несколько сотен китайцев. Хотя были люди, осуждавшие власти за подобные действия, широкого общественного резонанса благовещенская резня не вызвала³¹.

Дискурс «желтой опасности» присутствовал в российской и международной прессе и во время Русско-японской войны. Параллельно с этим в европейской прессе существовал и мотив принятия Японии как нового современного государства и восхищения тем, с какой скоростью были достигнуты такие успехи, в то время как России порой отказывали в праве считаться частью Европы. Хотя в российской пропаганде Японию принижали, Русско-японская война стала крупнейшим поражением петербургской внешней политики со времен Крымской войны. Дальневосточное наместничество не пережило эту войну. Алексеев, главнокомандующий российской армией в регионе на начало войны, был в 1905 году освобожден от должности. Русско-японская война стала одной из причин Первой русской революции и обозначила начало кризиса империи, в конечном счете приведшего к ее падению. Хотя 1 мая 1904 года по причине войны режим порто-франко был возобновлен, война и революция привели к увеличению государственного присутствия в регионе. В 1904 году в Приморской области было введено военное положение, а в 1905 году за ней последовала и Амурская область. Но, несмотря на это, контроль государственной власти едва ли распространялся за пределы городов и железной дороги³².

В 1905 году Приамурское генерал-губернаторство было переселенческой колонией и главным аванпостом экспансии Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Плотность населения продолжала оставаться неравномерной: наиболее населенными были южные районы, прилегающие к Транссибирской магистрали и границе. Присутствие официальных властей во Владивостоке и других городах сочеталось с относительным отсутствием государственного контроля в регионе в целом, в особенности в сельской местности. Противоречия между коренными жителями и переселенцами в Забайкалье все в большей степени напоминали то, что происходило в Туркестане, а резня в Благовещенске продемонстрировала, что китайцы, подобно евреям на западе империи, находились в крайне уязвимом положении.

³¹ Дятлов В. И. «Благовещенская трагедия»: историческая память и историческая ответственность // Дружба народов. 2012. № 10. С. 173–189; Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // *Ab Imperio*. 2017. № 1. P. 86–130; Stephan J. J. The Russian Far East. P. 71–75, 79.

³² Dower J. W. *Yellow Promise/Yellow Peril: Foreign Postcards of the Russo-Japanese War (1904–1905)* // MIT Visualizing Cultures. n/d. Интернет-версия: https://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/yellow_promise_yellow_peril/index.html (дата обращения: 17 февраля 2018 г.); Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке: Документы и материалы (1899–1925 гг.) / Сост. Н. А. Беляева, В. В. Горчаков, В. Н. Зубков, А. А. Торопов, Н. А. Троицкая. Владивосток: РИО Владивостокского филиала ПТА, 1999; Millard T. F. *The New Far East*. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1906. P. 1–2; *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero* / Eds. J. W. Steinberg, B. W. Menning, D. Schimmelpenninck van der Oye, D. Wolff, Sh. Yokote. Leiden: Brill, 2005. Vol. 1; *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero* / Eds. D. Wolff, S. G. Marks, B. W. Menning, D. Schimmelpenninck van der Oye, J. Steinberg, S. Yokote. Leiden: Brill, 2007. Vol. 2; Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994 (*Вильф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003).

ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Настоящая книга, уделяя особое внимание интеллектуальным истокам ДВР и ее истории, посвящена развитию леволиберального имперского национализма в Российской империи и его присвоению большевиками в годы имперской трансформации. Поскольку речь идет не о оформившейся идеологии, а о гетерогенном дискурсе и наборе политических стратегий, термины «левый», «либеральный» и «имперский» в его описании служат маркерами, объединяющими различные идеи, как партикуляристские (относящиеся к конкретным группам), так и общеимперские, которые циркулировали в имперском и постимперском пространстве и за его пределами. Слово «левый» объединяет всех тех, кто был недоволен социальным и экономическим неравенством и считал социализм (или, в более широком смысле, социально ориентированную экономическую систему) решением проблем империи. Слово «либеральный» относится к защитникам гражданских прав, а также к тем, кто хотя бы на словах поддерживал демократическую политическую систему (для многих социалистов политическая демократия была не конечной целью, а лишь средством достижения социализма). Наконец, слово «имперский» было использовано аналитически, чтобы обозначить инклюзивность этого гетерогенного дискурса (то есть включение всего населения империи в имперское национальное сообщество) и соответствовавшей ему политики управления разнообразием, включавшей в себя присвоение тем или иным категориям населения особых групповых прав и перестраивание имперских иерархий. Оно также указывает на верность Российской империи как форме политической организации и как конкретному государству, которое было необходимо не только реструктурировать, но и защищать от внешних сил – в первую очередь от Германии в годы Первой мировой войны, а позже от Японии и других участников интервенции стран Антанты.

Как показал Илья Герасимов, неудовлетворенность состоянием имперского государства в начале XX века, в первую очередь распределением особых прав и политического представительства среди различных групп населения, привела к тому, что он назвал «великой имперской революцией» 1917 года³³. История российского Дальнего Востока в 1905–1922 годах помогает объяснить не только то, как эта революция, взятая в широком контексте, разворачивалась на имперской периферии, но и как большевики смогли поставить ее себе на службу и убедить меньшинства и низшие социальные слои общества поддержать их или, по крайней мере, не оказывать им активного сопротивления. Более того, переплетение разных империалистических интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и статус российского Дальнего Востока как аванпоста российской экспансии позволили большевикам распространить логику имперской революции и на соседей – Китайскую республику и Японскую империю, – подтолкнув их к попытке включить новые разнообразные группы населения в то, что стало советским имперским проектом, имевшим глобальные цели, но вместе с тем ограниченным опытом российского имперского кризиса. Дальневосточная республика (а также ее предшественница, Советская республика Дальнего Востока, существовавшая в 1918 году) была частью двух советских империй, создававшихся в 1918–1922 годах, – формальной и неформальной. ДВР можно трактовать разными способами: как потенциальную республику-участницу номинально федеративного Советского Союза, то есть часть формальной советской империи, а также как первую страну народной демократии, то есть часть неформальной Советской империи, подобно номинально независимым Хорезмской и Бухарской народным советским республикам³⁴, и, соответственно, первый шаг советского «нового империализма» в Азиатско-Тихоокеанском регионе³⁵.

³³ *Gerasimov I.* The Great Imperial Revolution // *Ab Imperio*. 2017. P. 21–44. No. 2.

³⁴ *Kimura H., Ealey M.* The Kurillian Knot: A History of Japanese-Russian Border Negotiations. Stanford, CA: Stanford University

В англоязычной историографии до недавнего времени не было ни подробной истории российского Дальнего Востока в годы имперского кризиса и трансформации, ни научной истории ДВР, хотя о существовании республики упоминает практически каждый труд по истории Гражданской войны в России (1917–1923 гг.) и большинство трудов по истории революции 1917 года³⁶. Как указано выше, американский преподаватель и журналист Генри Киттредж Нортон, посетивший Китай весной 1921 года, был среди тех, кто считал создание ДВР проявлением свободолобивого духа сибиряков, новой переселенческой нацией. В своей книге «Дальневосточная республика Сибири» Нортон рассказал историю Сибири – страны, которая происходит от России, но отличается от нее традициями и интересами³⁷. На своем пути к всемирной цивилизации Сибирь отринула самодержавие и политически воплотилась в Дальневосточной республике. Такая история соответствовала сибирскому областничеству, и именно ее хотел видеть в американских публикациях Краснощёков. Он считал, что американская общественность и бизнес, убежденные, что новая республика является демократической и отличается от Советской России, поспособствуют эвакуации японских войск, занимавших части региона с 1918 года, и помогут покончить с дипломатической и торговой изоляцией большевистского правительства в Москве. Но ДВР так и не была признана ни одним государством, кроме Советской России, а в скором времени вступила в вооруженный конфликт с антибольшевистским Временным Приамурским правительством, установившимся после переворота во Владивостоке в мае 1921 года. Более того, создание единой ДВР отнюдь не привело к выводу японских войск с Северного Сахалина. Впрочем, прямого конфликта между Советской Россией и Японией избежать удалось, и 14–15 ноября 1922 года, после того как японские войска покинули российские территории на континенте, московское правительство ответило на запрос читинского парламента и включило ДВР в состав Советской России.

Принимая во внимание, что Краснощёков был к тому времени отозван из региона, первоначальный план большевиков в отношении ДВР, если таковой вообще существовал у партии в целом, так и не был в полной мере осуществлен. Более того, даже официальная историография ДВР, начавшаяся в самой республике, по всей видимости, не могла прийти к единому мнению о том, чем же была республика – тщательно организованной большевистской аферой, непродуманной попыткой Краснощёкова добиться региональной автономии или результирующей различных дискурсов, стратегий и исторических случайностей.

Инициатива написать историю ДВР принадлежала партизанскому командиру-большевику Дмитрию Самойловичу Шилову, стремившемуся собрать материалы по революционному периоду. Но партийная бюрократия вскоре перехватила проект. В октябре 1922 года Миней Израилевич Губельман (Емельян Михайлович Ярославский), один из главных большевистских пропагандистов, возглавил организованный в Чите Дальистпарт (Дальневосточную комиссию по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии на Дальнем Востоке при Дальневосточном бюро ЦК РКП(б))³⁸. Дальистпартовская версия истории ДВР, опирающаяся на трехтомный сборник мемуаров и документов, а также ранняя монография

Press, 2008. P. 36; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. P. 254–255.

³⁵ На Дальнем Востоке стратегии и дискурсы «нового империализма» (или «империализма свободных государств»), подразумевавшего неформальную зависимость «суверенных» государств от метрополии вместо формальных колоний или протекторатов, в XX веке развивали Советский Союз (Монгольская Народная Республика), Японская империя (Маньчжоу-Го) и Соединенные Штаты Америки (Южная Корея и Тайвань) (*Duara P.* Transnationalism and the Predicament of Sovereignty: China, 1900–1945 // *The American Historical Review.* 1997. № 102 (4). P. 1030–1051).

³⁶ См., например, недавние монографии: *Smele J. D.* The «Russian» Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World. London: Hurst & Company, 2015; *Smith S. A.* Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford: Oxford University Press, 2017.

³⁷ *Norton H. K.* The Far Eastern Republic of Siberia. P. 86.

³⁸ *Шельдешев Е. М.* Очерки истории исторической науки на Дальнем Востоке: Дальистпарт и его деятельность в 20-е – 30-е гг. Хабаровск: Изд-во ХГТУ.

Петра Семеновича Парфёнова (включавшая в себя и его собственные воспоминания в качестве большевистского функционера, работавшего в ДВР) находились под сильным влиянием идеологии большевизма, но вместе с тем изображали абсолютный хаос региональных политических комбинаций, совершенно не указывавший на существование у большевиков какого бы то ни было последовательного плана в отношении республики. Нарративы 1920-х годов подчеркивали роль трудящихся ДВР в защите региона от японского империализма. Новый конфликт с Японией, назревавший в 1930-е годы, привел к публикации документов, связанных с историей ДВР, с яростным антиимпериалистическим предисловием Исаака Израилевича Минца. Хотя этот текст цитировал мнение Владимира Ильича Ленина о необходимости ДВР, он не упоминал ни о каких конкретных создателях республики – важнее всего была деятельность дальневосточного пролетариата и трудящихся³⁹.

После репрессий 1930-х годов, жертвами которых стали Краснощёков, Парфёнов и другие большевистские деятели ДВР, советская историография продолжала подчеркивать антиимпериалистические черты истории Дальневосточной республики, добавив в 1950-е годы критику «американской агрессии» на советском Дальнем Востоке. В 1956 году Краснощёков, Парфёнов и другие были реабилитированы, и в 1950–1960-е годы появился новый корпус исторических исследований, вернувшийся к деятельности прежде замалчиваемых большевистских деятелей и к анализу ДВР как государственного образования. Особенности новой версии официального нарратива, появившейся в 1970-е годы, видны при сравнении первого и второго изданий мемуаров премьер-министра ДВР Петра Михайловича Никифорова, которые отличались в своих оценках роли партийного руководства и лично Ленина в создании ДВР. В издании 1963 года Никифоров сообщал, что политику создания формально демократического государства «ощупью намечали и проводили не без срывов приморские [а не забайкальские] коммунисты», хотя и указывал, что «отчетливо» она была сформулирована Лениным. В издании 1974 года, опубликованном после смерти Никифорова, уже сам Ленин выступил с идеей создания на Дальнем Востоке буферного государства⁴⁰.

Официальная точка зрения, подчеркивавшая роль Ленина как создателя Дальневосточной республики, господствовала в советской историографии начиная с 1970-х годов и оказала влияние на современных российских и иностранных исследователей⁴¹. Начиная с 1990-х годов В. В. Сонин, Ю. Н. Ципкин, Т. А. Орнацкая, В. Г. Кокоулин, а также Б. И. Мухачёв, М. И. Светачёв и другие авторы тома «Истории Дальнего Востока России», посвященного революции и Гражданской войне, внесли существенный вклад в восстановление исторического контекста и главных событий, связанных с созданием и ликвидацией ДВР. Тем не менее они были склонны поддерживать позднесоветскую официальную интерпретацию ДВР, считали республику не чем иным, как блистательно осуществленной геополитической аферой, марионеточным «буферным государством», придуманным в Москве, чтобы удержать регион под властью России, и подчеркивали внимание большевиков к российским национальным интересам. Большая часть позднесоветской историографии и значительная часть постсоветской историогра-

³⁹ Дальистпарт: Сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Чита: Книжное дело, 1923. Т. 1; Владивосток: Дальпартиздат, 1924. Т. 2; Владивосток: Дальпартиздат, 1925. Т. 3; Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / Подгот. к печати И. И. Минц. М.: Центархив, 1934. С. 11–13; *Парфёнов П. С.* Борьба за Дальний Восток. Л.: Прибой, 1928.

⁴⁰ *Никифоров П. М.* Записки премьера ДВР: победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. / Под ред. В. Г. Антонова. М.: Госполитиздат, 1963. С. 176; *Никифоров П. М.* Записки премьера ДВР: победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. 2-е изд. / Под ред. Н. Р. Андрухова, В. И. Слуянова. М.: Госполитиздат, 1974. С. 115. Краткий обзор советской историографии см.: *Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А.* Внешняя политика Дальневосточной республики, 1920–1922 гг. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2008. С. 8–10.

⁴¹ *Smele J. D.* The «Russian» Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World. London: Hurst & Company, 2015. P. 221, 347–348.

фии исходили из способности большевистского руководства планировать «правильный» курс действий, который в действительности был реконструирован ретроспективно и опирался на марксистско-ленинское утверждение о том, что Октябрьская революция 1917 года была неизбежной⁴².

Несмотря на доступность мемуаров Никифорова (в первом издании) и множество документов, находившихся в распоряжении советских ученых, Сонин указывал на наличие у Москвы контроля над событиями в регионе и не уделял достаточно внимания соперничеству между различными группами большевиков. Он утверждал, что в первой половине 1920 года «В. И. Ленин и ЦК РКП(б) наметили новый план буферного строительства», которое якобы должно было осуществляться с двух противоположных концов российского Дальнего Востока – из Владивостока на востоке и Верхнеудинска на западе⁴³. Это утверждение, впервые появившееся в учебнике 1974 года⁴⁴ и повторенное еще одним автором в книге 1985 года⁴⁵, не подтверждается историческими источниками, в том числе и теми, которые стали доступны после крушения Советского Союза.

А. А. Азаренков отверг подобный взгляд на создание ДВР, наглядно показав, что между московским руководством и владивостокскими большевиками практически не было координации, а четкого проекта ДВР не существовало до самого августа 1920 года⁴⁶. В своих двух монографиях⁴⁷ Азаренков подверг пересмотру историю создания и ликвидации Дальневосточной республики, поставив под вопрос то, что многие принимали за данность, – большевистское руководство и единство партии. Он предложил сбалансированный анализ создания ДВР с включением небольшевистских акторов не как антагонистов в «неизбежном» ходе событий, а как соавторов республики, которая была не столько большевистским планом, сколько результатом политического кризиса и компромиссов.

Действительно, исторические источники доказывают, что, хотя Ленин в 1920 году дал свою санкцию на предложение Краснощёкова и других сибирских большевиков о создании Дальневосточной республики, московское руководство было очень плохо осведомлено о положении дел в ДВР, по крайней мере до весны 1922 года. Создание ДВР стало результатом не последовательного плана, разработанного в Москве, а политики Краснощёкова и прямых вооруженных столкновений с японцами. У Краснощёкова были конкретные планы на будущее Дальнего Востока, которые он попытался осуществить уже в 1917–1918 годы, и вплоть до лета 1921 года он вел независимую политику, хотя и находился в контакте с советским наркомом иностранных дел Григорием Васильевичем Чичериным. Планы Краснощёкова шли гораздо дальше вывода японских войск: он желал создать дальневосточное государство, которое было

⁴² Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке, октябрь 1917 – ноябрь 1922 гг. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2002. С. 118–119; История Дальнего Востока России от эпохи первобытного общества до конца XX века / Отв. ред. Б. И. Мухачев. Владивосток: Дальнаука, 2003. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. С. 363–367; Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики, 1920–1922. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. С. 4–6; Ципкин Ю. Н., Орницкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики. С. 5–6; Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение, 1917–1922 гг. 3-е изд. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2012. С. 240–241.

⁴³ Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики. С. 15.

⁴⁴ Сонин В. В., Исаева Т. С. Государство и право Дальневосточной республики; государственный строй ДВР. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. С. 4, 7.

⁴⁵ Щагин Е. М. В. И. Ленин и создание Дальневосточной республики // В. И. Ленин и Дальневосточная республика: Сб. научных трудов / Под ред. А. И. Крушанова. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1985. С. 22.

⁴⁶ Азаренков А. А. «Демократический компромисс»: идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил – участников гражданской войны в России, январь 1920 – январь 1921 гг. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КПКУ, 2001. С. 46–47.

⁴⁷ Азаренков А. А. Политическая модель Дальневосточной республики: механизм функционирования институтов власти «буферного» государства, 1920–1922 гг. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КПКУ, 2001.

бы связано с Советской Россией, но сохранило бы автономию как во внутренних, так и во внешних делах, став центром революционной деятельности в Восточной Азии⁴⁸.

Тем не менее советская интерпретация ДВР, в которой центральная роль отводится московскому большевистскому руководству, сумела проникнуть даже в труды иностранных ученых⁴⁹. Но слабым местом этой интерпретации является не только то, что ДВР не функционировала, как планировалось (это наглядно показал, к примеру, Пол Дюкс, изучивший политику ДВР во время Вашингтонской конференции 1921–1922 годов⁵⁰), но и в том, что она не заполняет теоретическую лакуну в истории трансформации Российской империи в Советский Союз в 1905–1922 годах – важнейшей теме исследований российской, восточноевропейской и евразийской истории после «имперского поворота» 1990-х годов и ряда столетних годовщин – Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России. Аспект децентрализации, характерный для этой трансформации, хорошо изучен в применении к национализму меньшинств⁵¹, но формирование ДВР исходило из другой логики, в рамках которой регион, определяемый через свои экономические и этнографические особенности, а не через национальную группу, мог бы быть признан автономным или независимым. Таким образом, создание ДВР и революционные события на российском Дальнем Востоке вообще представляли собой альтернативный сценарий крушения Российской империи и формирования Советского Союза. В то же время успешная националистическая мобилизация (то есть использование национализма русского большинства), проведенная большевиками на российском Дальнем Востоке, является аргументом в пользу «психологического синтеза коммунизма и русского национализма» в истории создания СССР, о котором Ричард Пайпс писал в 1997 году в предисловии к очередному изданию своей знаменитой монографии⁵².

Хотя дальневосточный регионализм XIX–XX веков привлек некоторое внимание ученых, он остается куда менее изученным, чем сибирское областничество, от которого он произошел. За исключением двух сборников статей, обращавшихся к истории переселенцев⁵³, а также монографии Джона К. Чана о корейских жителях региона⁵⁴, прежние работы, посвященные российскому Дальнему Востоку, как правило, ставили во главу угла государство, а не местных действующих лиц или не рассматривали подробно дальневосточные регионалистские проекты.

Первый период имперской трансформации, между революциями 1905–1907 и 1917 годов, на Дальнем Востоке и в других частях империи, по-прежнему слабо освещен в

⁴⁸ Дальневосточная политика Советской России, 1920–1922 гг. ^ Сб. документов Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома / Под ред. В. С. Познанского, М. П. Малышевой. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 265, 337.

⁴⁹ Debo R. K. *Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918–1921*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992. P. 374–399; Smith S. B. *Captives of Revolution: The Socialist Revolutionaries and the Bolshevik Dictatorship, 1918–1923*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 213–214.

⁵⁰ Dukes P. *The USA in the Making of the USSR: The Washington Conference, 1921–1922, and «Uninvited Russia»*. London: RoutledgeCurzon, 2014. P. 93–99.

⁵¹ *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / Eds. K. Barkey, M. Von Hagen. Boulder, CO: Westview Press, 1997; *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* / Eds. J. Burbank, M. Von Hagen, A. Remnev. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007; Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015; Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001 (см. русск. перевод: *Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. М., 2011); Steinwedel Ch. R. *Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2016; Suny R. G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993; всесторонний обзор «имперского поворота» см.: Sunderland W. *The USSR as a Multinational State from the Revolution to the Death of Stalin: Western Scholarship since 1991* // *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2016. History. № 4. P. 142–158.

⁵² Pipes R. *The Formation of the Soviet Union*. P. vii.

⁵³ *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History* / Eds. N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London: Routledge, 2007; *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East* / Eds. S. Kotkin, D. Wolff. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1995.

⁵⁴ Chang J. K. *Burnt by the Sun: The Koreans of the Russian Far East*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2016.

исторической литературе⁵⁵. Второй период имперской трансформации, между Февральской революцией 1917 года и созданием Советского Союза в 1922 году, изучен лучше; все больше исследований обращаются к региональной специфике социальных и политических перемен, выходя за пределы изучения элит⁵⁶. Вместе с тем большинство работ, посвященных Гражданской войне⁵⁷ и интервенции стран Антанты в Северной Азии⁵⁸, либо заканчиваются событиями 1920–1921 годов, либо не обращают внимания на российский Дальний Восток. Единственное исключение – труд Кэнфилда Ф. Смита⁵⁹, региональная история, основанная главным образом на опубликованных источниках.

Дискурсы национализма и регионализма повлияли не только на проекты независимых или автономных образований на российском Дальнем Востоке, но и на само формирование имперского и постимперского региона в 1905–1922 годах. Тем не менее вопреки точке зрения Стефана, который возводит «последовательную региональную идентичность» к административному объединению Приамурского генерал-губернаторства в 1884 году и к экспансии в Китай в 1896 году, в результате которой интересы империи и региона начали противоречить друг другу⁶⁰, настоящая книга утверждает, что главной основой коллективных действий был не дальневосточный регионализм, не идея отдельной региональной политической общности, существование которой подразумевали интеллектуалы и бизнес-элиты региона, а скорее региональная версия русского или российского национализма, включавшая регион в более широкое сообщество русских или россиян⁶¹.

Настоящая книга, определяя национализм как гетерогенный и амбивалентный дискурс, использующийся для воображения и консолидации политического сообщества и мобилизации разнородного населения⁶², исследует, как оформлялись политические действия в дискурсивном смысле и как конкретные идеи позволили закрыть вопрос⁶³ о будущем российского Дальнего Востока в России и за границей. Другими словами, настоящая книга стремится показать, что, хотя дискурс регионализма и фигурировал в дискуссиях, интеллектуалы и политические деятели Дальнего Востока в основном опирались на национализм. Многие из них использовали регионализм или отдельные его элементы для защиты националистических взглядов на прошлое, настоящее и будущее региона, на его политическое и экономическое устройство и государственную принадлежность. Действительно, Краснощёков и некоторые другие поступали скорее наоборот, продвигая собственный регионализм с использованием националистических лозунгов, но их было на Дальнем Востоке меньшинство.

⁵⁵ Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П., Ремнёв А. В., Суворова Н. Г., Шахеров В. П., Шиловский М. В. Сибирь в составе Российской империи; Ремнёв А. В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти; Remnev A. Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // Russian Empire: Space, People, Power. P. 425–454; Stephan J. J. The Russian Far East; Von Hagen M. Federalisms and Pan-Movements.

⁵⁶ Например: Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–1922 / Eds. S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish. Bloomington, IN: Slavica, 2015. Book 1. Russia's Revolution in Regional Perspective; Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis; Penter T. Odessa 1917: Revolution an der Peripherie. Köln: Böhlau Verlag, 2000.

⁵⁷ Например: Bisher J. White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian. London: Routledge, 2005; Pereira N. G. O. White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1996; Smele J. D. The «Russian» Civil Wars.

⁵⁸ Например: Moffat I. C. D. The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015; самая полная на сегодняшний день история японской интервенции см.: Hara T. Shiberia Shuppei: Kakumei to Kanshō 1917–1921 [Сибирская экспедиция: революция и интервенция, 1917–1921 гг.]. Tokyo: Chikuma shobō, 1989.

⁵⁹ Smith C. F. Vladivostok under Red and White Rule: Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East, 1920–1922. Seattle: University of Washington Press, 1975.

⁶⁰ Stephan J. J. The Russian Far East. P. 2, 93–98.

⁶¹ Levinger M., Lytle P. F. Myth and Mobilisation: The Triadic Structure of Nationalist Rhetoric // Nations and Nationalism. 2001. № 7 (2). P. 175–194.

⁶² Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.

⁶³ Deetz S. Democracy in an Age of Corporate Colonization: Developments in Communication and the Politics of Everyday Life. Albany, NY: State University of New York Press, 1992. P. 187.

Стоит отметить, что после Русско-японской войны и сибирское областничество оказалось тесно связано с оборонческим имперским национализмом. Сам Потанин в 1908 году обосновывал необходимость автономии Сибири и, в первую очередь, «Дальнего Востока Сибири» японской опасностью. По его мнению, Сибирь была «предназначена играть роль буфера между европейской Россией и Японией» и нуждалась в реформах, чтобы повысить свою обороноспособность, а значит, и обороноспособность Европейской России⁶⁴. В 1914 году Элбек-Доржи Ринчино, горячий сторонник сибирского областничества и бурятского национализма, утверждал, что Сибирь и Европейская Россия не выживут друг без друга – Сибирь будет неизбежно поглощена Японией или Китаем, а Европейская Россия не выдержит, если ее отрезать от Тихого океана, исключительно важного для ее будущего⁶⁵.

Анализ газет, прокламаций, публичных речей, парламентских дебатов и закрытых партийных дискуссий с 1905 по середину 1920-х годов позволил понять, почему политической и дискурсивной точкой сборки для региона и постимперского Советского государства стал национализм, а не регионализм⁶⁶. Национализм не только позволил провести мобилизацию разнообразных элит и других социальных слоев для создания и ликвидации Дальневосточной республики, но и сыграл определяющую роль в консолидации региона. Более того, не успех ДВР как демократического спектакля, а глобально распространяющийся язык национализма позволил Советской России включить республику в свой состав без каких-либо международных последствий.

Имперскую трансформацию на российском Дальнем Востоке можно поместить в более широкий контекст глобального распространения и триумфа национализма, в XX веке занявшего доминирующее положение в дискуссиях о современности, а также в контекст противоречий между свободным движением капитала, рабочей силы и информации через государственные границы и суверенным государством как формой политической организации⁶⁷. Кроме того, история Дальнего Востока позволяет проанализировать изменения в международном империализме, которые были вызваны распространением национализма и в конечном итоге привели к включению националистических дискурсов в новые формы империализма. В 1900–1920-е годы, во время глобального кризиса империй, два видения постимперского мира стали серьезным вызовом системе международных отношений как отношений между государствами. Либеральный проект, продвигаемый Вудро Вильсоном, сделал само формирование ДВР приемлемым для международной прогрессивно мыслящей общественности: этот проект поддерживал идею создания новых государств и их интеграции в транснациональные экономические и политические пространства⁶⁸. Глобальный социалистический проект, разработанный и отстаиваемый Лениным, исходил из мира классов, а не наций, но вместе с тем поощрял антиколониальный национализм⁶⁹. Несмотря на лозунги международного равенства, оба проекта привели к новым формам зависимости в рамках нового империализма⁷⁰. Три имперских образования,

⁶⁴ Потанин Г. Н. Нужды Сибири. С. 116–117.

⁶⁵ Ринчино Э.-Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия (1914) // Элбек-Доржи Ринчино: документы, статьи, письма / Редкол. Р. Д. Нимаев, Б. Б. Багуев, С. Б. Очиров, Д.-Н. Т. Раднаев. Улан-Удэ: Ред. – изд. отдел Минпечати Республики Башкирия, 1994. С. 32, 34.

⁶⁶ Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., Semyonov A. Do the «Assemblage Points» Exist? // *Ab Imperio*. 2014. No. 1. P. 16–21.

⁶⁷ Роль государства как среды этого движения, впрочем, делает ситуацию еще более запутанной (*Duara P.* Transnationalism and the Predicament of Sovereignty. P. 1030). Подробнее о движении форм см.: *Appadurai A.* How Histories Make Geographies // *Transcultural Studies*. 2010. No 1. P. 4–13.

⁶⁸ Manela E. *The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

⁶⁹ Davis D. E., Trani E. P. *The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S. – Soviet Relations*. Columbia, MO: University of Missouri Press, 2002.

⁷⁰ *Duara P.* The Imperialism of «Free Nations»: Japan, Manchukuo and the History of the Present // *Imperial Formations* / Ed. by A. L. Stoler, C. McGranahan, P. Perdue. Santa Fe, NM: School for Advanced Research Press, 2007. P. 211–239.

ставшие основными проводниками нового империализма в XX веке, а именно США, Япония и СССР, напрямую соприкасались друг с другом в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более того, ДВР можно интерпретировать как одно из первых «свободных государств», которое в 1918–1922 годах Советская Россия, Япония и США стремились включить в свои неформальные империи при помощи политических и экономических механизмов. Кроме того, в 1920 году ДВР все еще считалась каналом для экспорта мировой революции в Восточную Азию – революции, которая прямо указывала на подчинение «освобожденных» монгольского и (в перспективе) корейского народов большевикам⁷¹ как центру нового имперского образования в его формальной (СССР) и неформальной (Коминтерн) ипостасях⁷².

Однако Дальневосточная республика радикально отличалась от Маньчжоу-Го или Монгольской Народной Республики, двух ярких примеров нового империализма 1920–1930-х годов: в случае ДВР не существовало этнонациональной категории, на которую могли бы опереться конкурирующие империи⁷³. Отсутствие отдельной дальневосточной нации привело к тому, что ДВР, как и другие региональные государственные образования, заняла особое место в советских конфедеративных и федеративных проектах 1918–1922 годов. Из восьми республик, подписавших протокол о передаче Советской России прав представительства на Генуэзской конференции 1922 года и тем самым запустивших процесс юридического оформления Советского Союза, только у трех – Бухарской, Хорезмской и Дальневосточной – были региональные, а не этнонациональные названия, причем из этих трех лишь в ДВР было русское большинство. Более того, ДВР была не федерацией, а унитарным государством, и ее руководители открыто называли ее русским государством, несмотря на существование четко выраженных националистических дискурсов корейского, бурят-монгольского, украинского и других национальных меньшинств. В этом отношении ДВР отличалась и от Крымской Автономной Социалистической Советской Республики, основанной в 1921 году в рамках РСФСР. В Крымской республике русские тоже составляли большинство, но она создавалась в первую очередь для крымских татар⁷⁴.

Существование в рядах большевиков разных групп, а также нерешительность их руководства в региональных вопросах и его зависимость от информаторов на местах противоречат интерпретации ДВР как инструмента односторонней большевистской политики. Хотя ДВР сыграла важную роль в отношениях между Москвой и иностранными государствами, задумали и создали республику отнюдь не в Москве. Более того, московское большевистское руководство позволило дальневосточным большевикам и небольшевистским политическим акторам – эсерам, меньшевикам и либералам – наполнить идею республики политическим содержанием, тем самым сделав их соавторами (а то и основными авторами) политики Москвы в регионе.

Продолжая дискуссию о многообразии большевиков, начатую Лилияной Ригой⁷⁵, можно отметить, что изучение российского Дальнего Востока позволило выявить еще несколько существенных различий среди членов партии, внесших свой вклад в появление различных группировок и неоднозначность политики партии в целом. Если в московском партийном руководстве было множество революционеров, вернувшихся из Европы, на Дальнем Востоке самыми

⁷¹ Дальневосточная политика Советской России. С. 174–178, 204–205, 208–212; ВКП(б), Коминтерн и Корея, 1918–1941 гг. / Отв. ред. Х. Вада, К. К. Шириня; ред. – сост. Г. М. Адиеков, Х. Вада, Н. Мидзуно, К. К. Шириня, Ю Хё Чжон; сост. Ж. Г. Адиекова, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2007. С. 132–133.

⁷² *Suny R. G., Martin T.* Introduction // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* (см. русск. перевод: Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011).

⁷³ Строительство новой нации оказалось чрезвычайно тяжелой задачей и для японцев в Маньчжоу-Го, несмотря на наличие маньчжуров и даже монарха, принадлежащего к этнически маньчжурской династии Цин (*Narangoa L.* *Educating Mongols and Making «Citizens» of Manchukuo* // *Inner Asia*. 2001. № 3 (2). P. 101–126).

⁷⁴ *Marples D. R., Duke D. F.* *Ukraine, Russia, and the Question of Crimea* // *Nationalities Papers*. 1995. № 23 (2). P. 264–265.

⁷⁵ *Riga L.* *The Bolsheviks and the Russian Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

влиятельными группами были местные (или ссыльные) активисты, а также, после Февральской революции, реэмигранты из США. Опыт совместной с другими социалистами ссылки, а также сравнительная умеренность политики в США, опыт взаимодействия с которой был у части региональных акторов, повлияли на многих дальневосточных большевиков, сделав их более склонными к компромиссу с политическими оппонентами. Раскол социал-демократов на большевиков и меньшевиков произошел в регионе лишь осенью 1917 года; Краснощёков неоднократно пробовал сотрудничать с меньшевиками и эсерами в 1917–1921 годах; в 1920 году Никифоров пусть и ненадолго, но был готов к сотрудничеству с бизнес-элитой Владивостока и белыми офицерами⁷⁶. Чрезвычайная мобильность населения в годы Гражданской войны и намеренная политика размыwania региональных групп руководителями, присылаемыми из центра, способствовала тому, что к концу 1922 года партийная элита российского Дальнего Востока в основном состояла из новоприбывших.

Кроме того, к большинству дальневосточных большевиков, как до внедрения новых лидеров, так и после этого, неприменимо деление на «интернационалистов» и «строителей наций», предложенное Терри Мартином⁷⁷. Как уже указывалось ранее⁷⁸, такие люди, как Шумяцкий, уроженец Забайкалья, ненадолго возглавивший ДВР летом 1920 года и разработавший стратегию Коминтерна во Внутренней и Восточной Азии в 1921 году, может считаться «транснационалистом»: для него национализм был не только способом реструктурировать Российскую империю и обеспечить лояльность (или несопротивление) национальных меньшинств большевикам, но и тактическим политическим инструментом. Шумяцкий не только поддерживал независимость Монголии, одновременно с этим отвергая независимость Тувы и считая, что она должна войти в более обширное Монгольское государство⁷⁹, но и, возможно, даже ничего не имел против японской оккупации российского Дальнего Востока, ожидая, что в течение двух-трех поколений эта территория вернется под власть большевиков, подразумевая, вероятно, будущую мировую революцию⁸⁰.

Взгляды Краснощёкова сильно отличались. Выдвинув еще в 1918 году проект Советской республики Дальнего Востока, он последовательно выступал за административную и экономическую автономию российского Дальнего Востока в рамках советской федерации, указывая на чрезвычайную важность подобной автономии для политики в Восточной Азии. Кроме того, он был противником независимости Монголии от Китая и считал военное участие РСФСР и ДВР в событиях, оставшихся в истории как Монгольская революция 1921 года, не чем иным, как демонстрацией силы в регионе⁸¹. С этой точки зрения Краснощёков принадлежал к группе большевиков-«регионалистов», предлагавших реструктурировать империю в союз регионов, а не национальных меньшинств, в полном соответствии с ранними предложениями Иосифа Виссарионовича Сталина, от которых тот к 1922 году уже давно отказался⁸².

⁷⁶ Среди большевиков и других социалистов и анархистов Дальнего Востока, безусловно, было много радикалов. В 1917–1918 годах руководители владивостокских левых, большевик-реэмигрант Арнольд Яковлевич Нейбут и уроженец региона Константин Александрович Суханов (меньшевик-интернационалист, союзник большевиков), были скорее готовы к сотрудничеству с анархистами и другими радикальными социалистами, нежели с умеренными. В 1918 году большевик Федор Никанорович Мухин, бывший железнодорожный рабочий с Транссибирской магистрали, придерживался аналогичной радикальной политики в Благовещенске, сотрудничая с анархистами и эсерами-максималистами.

⁷⁷ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 2 (см. русск. перевод: *Мартин Т.* Империя положительной деятельности).

⁷⁸ Sablin I. Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism and Nationalism in State and Autonomy Building. London: Routledge, 2016. P. 4.

⁷⁹ Дальневосточная политика Советской России. С. 204–205, 208–212.

⁸⁰ Такое мнение Шумяцкий якобы высказал во время переговоров с представителями других политических сил летом 1920 года (РГАСПИ. Ф. Р-4694. Оп. 1. Д. 16. Л. 12. (Стенографический отчет экстренного заседания Временного Народного собрания Дальнего Востока, 7 сентября 1920 г.)).

⁸¹ Дальневосточная политика Советской России. С. 64–66, 265.

⁸² Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос (1913) // Сталин И. В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. литературы, 1946. Т. 2. С. 290–367.

Впрочем, самой влиятельной в регионе оказалась третья группа, большевики-«националисты», внесшие самый большой вклад в создание советского Дальнего Востока. Эта группа, в которую входил Николай Афанасьевич Кубяк, уроженец Калужской губернии, член петроградского большевистского руководства и один из командированных на российский Дальний Восток для борьбы с регионализмом, подчеркивала русскость региона. Кубяк и многие другие были непримиримыми противниками создания в 1923 году Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики, а в следующем году – предполагаемой корейской автономной области. Такая позиция позволила корейскому коммунисту Нам Ман Чхуну обвинить Кубяка и других дальневосточных большевистских деятелей в русском «махровом колонизаторском шовинизме»⁸³.

Кроме того, эта группа большевиков-«националистов», русских или российских в имперском смысле, многие из которых не были этническими русскими, предпочитала традиционный подход к международным отношениям (как отношениям между государствами), за который выступал Чичерин, а не транснациональную политику Льва Давидовича Троцкого. Несмотря на интерпретацию ДВР как аванпоста мировой революции и присутствие во Владивостоке восточноазиатских активистов в 1923–1924 годах, в последующие годы операции Коминтерна были выведены за пределы бывшей Российской империи⁸⁴, в то время как российскому Дальнему Востоку надлежало стать российским плацдармом в традиционном государственном смысле. Безусловно, преобладание на Дальнем Востоке большевиков-«националистов» сыграло свою роль во введении ограничений на иммиграцию китайцев и корейцев в 1926 году, а затем и в насильственных переселениях представителей обеих групп в 1930-е годы⁸⁵.

В сравнении с русским национализмом С. Д. Меркулова и других противников большевиков национализм большевиков был государственным и популистским: он обращался к рабочим и крестьянам, подчеркивая, что именно они являются ядром русского политического сообщества, а то и этим сообществом в целом. Антиимпериалистический дискурс, прежде всего направленный против Японии, использовал слово «империализм» в двух смыслах. С классовой точки зрения он определял империализм как завершающую стадию капитализма, в соответствии с определением Ленина⁸⁶. Второе значение было национально-оборонческим и исходило из опасности иностранной экспансии на территорию суверенного государства. Эта интерпретация империализма получила широкое распространение в годы Первой мировой войны, когда союзники, в первую очередь США, изображали Германию главной империалистической силой; впоследствии эта же интерпретация была спроецирована на Японию. В своих призывах к военным-небольшевикам, интеллектуалам и предпринимателям Дальнего Востока большевики подчеркивали именно второе значение, используя наработки мобилизации в годы Первой мировой войны и приравнивая борьбу с империализмом к патриотизму⁸⁷.

Национализм С. Д. Меркулова был в большой степени этнически эксклюзивным. Хотя, руководя Приамурским государственным образованием, он допускал включение в русскую (российскую) нацию корейцев и представителей других меньшинств, его антисемитизм напоминал лозунги правой мобилизации в поздние годы империи и во время Гражданской войны на других ее театрах. Кроме того, Меркулов, восхваляя Китай в Маньчжурии как более «трудяще-

⁸³ Sablin I. *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism and Nationalism in State and Autonomy Building*. London: Routledge, 2016. P. 186; ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 303–307.

⁸⁴ ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 281–285.

⁸⁵ Чернолуцкая Е. Н. *Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг.* Владивосток: Дальнаука, 2011.

⁸⁶ Ленин В. И. *Империализм как высшая стадия капитализма* (1916) // Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. Т. 27. С. 299–426.

⁸⁷ Stockdale M. K. *Mobilizing the Russian Nation: Patriotism and Citizenship in the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

гося, трезвого, упорного, более сплоченного в своих составных единицах» конкурента России на Дальнем Востоке и допуская присутствие корейцев – российских подданных на рынке труда, вместе с тем отрицательно относился к китайской и корейской трудовой миграции⁸⁸. Впрочем, за годы Гражданской войны национализм С. Д. Меркулова претерпел изменения и стал отличаться от официозного национализма поздней Российской империи, который он прежде разделял: он перестал быть государственным. Уже в 1919 году Меркулов допускал японский протекторат над этнически русским населением Приморья⁸⁹.

Государственничество и классовая риторика большевистской версии русского национализма сыграли решающую роль, обеспечив им к октябрю 1922 года широкую поддержку на Дальнем Востоке. Благодаря размытости различий между политической и экономической демократией в русской революции 1917 года⁹⁰ социалистическая программа большевиков, ставшая более умеренной во время НЭПА, вытеснила идею представительного правления, удовлетворив ряд запросов прогрессивного (лево-либерального) имперского и постимперского национализма. Решительная защита единой, пусть и Советской России позволила большевикам добиться поддержки тех, кто раньше выступал на стороне умеренных социалистов, а сотрудничество оппонентов большевиков с интервенцией позволило большевистским агитаторам представить их врагами нации.

ИСТОЧНИКИ

Материал для этой книги был собран в российских, американских, японских и финских архивах и библиотеках. Основные архивные источники были найдены в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ, Владивосток), Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК, Хабаровск), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, Москва) и Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ, Улан-Удэ). Кроме того, исследование опиралось на опубликованные тематические сборники документов из российских⁹¹ и американских⁹² архивов. Эти документы оказались поистине бесценными для

⁸⁸ Меркулов С. Д. Вопросы колонизации Приамурского края. СПб.: Тип. Ю. Мансфельд, 1911. Т. 2. С. 36, 48, 50–51, 60–61, 64–65.

⁸⁹ Советско-американские отношения: годы непризнания, 1918–1933: Сб. / Сост. В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов (отв. сост.), В. М. Семёнов и др.; ред. акад. Г. Н. Севостьянов, проф. Дж. Хэзлем. М.: МФД, 2002. Т. 1. 1918–1926. С. 76–79.

⁹⁰ Kolonitskii B. I. «Democracy» in the Political Consciousness of the February Revolution // Slavic Review. 1998. № 57 (1). P. 95–106 (см. на русском: Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. М., 1997).

⁹¹ Религия и власть на Дальнем Востоке России; Буржуазия накануне Февральской революции / Подгот. к печати Б. Б. Граве. М.; Л.: Госиздат, 1927; Хромов С. С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. М.: Институт российской истории РАН, 2006. Т. 2.; Дальневосточная политика Советской России; Дальневосточная республика. Становление. Борьба с интервенцией. Февраль 1920 г. – ноябрь 1922 г. / Ред. Б. И. Мухачев. Владивосток: Дальнаука, 1993; Дальсовнарком, 1917–1918 гг.: Сб. документов и материалов / Ред. А. В. Семёнов. Хабаровск: Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока; Государственный архив Хабаровского края, 1969; Москва – Токио: политика и дипломатия Кремля, 1921–1931: Сб. документов / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов; сост. Л. П. Киевская, И. А. Кондакова, Е. Н. Макаренко, С. А. Мельчин, Г. П. Мещеряков; ред. А. В. Коротков, В. С. Мясников, А. С. Степанов, В. Н. Якушев. М.: Наука, 2007. Т. 1. 1921–1925; Советско-американские отношения: годы непризнания; Корейцы на российском Дальнем Востоке. Т. 1; Генерал Дитерихс / Ред. и сост. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2004; ВКП(б), Коминтерн и Корея; Атаман Семёнов. Вопросы государственного строительства: Сб. документов и материалов / Сост. В. И. Василевский. Чита: Поиск, 2002; Николаевск-на-Амуре. Страницы истории: Сб. архивных документов об истории развития города Николаевска-на-Амуре / Сост. А. В. Размахнина (отв. сост.) и др.; редкол.: О. В. Завьялова (гл. ред.) и др. Хабаровск: Изд-во Хворова А. Ю., 2015.

⁹² United States Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919: Russia. Washington, DC: US Government Printing Office, 1937; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920. Vol. 1. Washington, DC: US Government Printing Office, 1936; Vol. 3. Washington, DC: US Government Printing Office, 1936; Vol. 2. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1921. Washington, DC: US Government Printing Office, 1936; Vol. 2. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1922. Washington, DC: US Government Printing Office, 1938.

понимания широкого контекста, официальных позиций правительств в Петрограде/Москве, Вашингтоне и Токио, а также Коминтерна и других важных организаций и отдельных ведомств.

Постсоветские и американские сборники документов могут считаться надежными. В публикациях документов советского времени тоже не было обнаружено никаких намеренных фальсификаций. Точными оказались цитаты в хронике Гражданской войны⁹³, составленной из газетных вырезок и официальных документов. Хотя проверить всю эту книгу целиком не представляется возможным, большинство из упомянутых в ней событий подтверждается другими источниками. Кроме того, она оказалась бесценной для изучения советской власти на Дальнем Востоке в 1918 году: опубликованные в ней источники сообщают дополнительные подробности о действиях важных акторов и ключевых событиях. Два других сборника вызвали определенные сомнения. Вышеупомянутый сборник, посвященный японской интервенции⁹⁴, включает ссылки на единицы хранения в архивах только в предисловии, что делает сложной проверку его содержания, поэтому лишь два документа из этого сборника были использованы в настоящей книге как дополнительные материалы по фактам, упоминающимся в других источниках. В другом сборнике, посвященном раннесоветской политике на российском Дальнем Востоке⁹⁵, часть текста в опубликованных документах опущена, но сами ссылки на документы вполне корректны.

В числе основных документов, архивных и опубликованных, – резолюции, протоколы и стенографические отчеты органов владивостокского Временного правительства Дальнего Востока, ДВР, Приамурского государственного образования и других правительств, существовавших в регионе между 1917 и 1922 годами; документы Дальневосточного бюро (Дальбюро) и других органов большевистской партии; информационные сводки органов Коминтерна; доклады спецслужб; военная и гражданская корреспонденция. Документы партийных органов оказались исключительно ценным источником: они позволяют увидеть, как большевики воспринимали политическую ситуацию, а также очень точно показывают стратегию отдельных организаций и процесс принятия решений. Источники Временного правительства Дальнего Востока содержат информацию о важнейших политических дискуссиях и о позициях небольшевистских акторов. Документы официальных органов ДВР и Приамурского государственного образования отражают образы большевиков и их оппонентов, которые они пытались внушить общественности, но вместе с тем и реальные финальные резолюции по тем вопросам, которые обсуждались в ходе документированных дискуссий внутри партии большевиков или недокументированных среди их оппонентов.

Большинство протоколов Дальбюро, документов различных правительств региона (в том числе документов отдельных министерств ДВР), информационных сводок органов Коминтерна, стенографических отчетов различных парламентских органов и ряд других документов, сыгравших важную роль в настоящем исследовании, никогда не были опубликованы, а многие из них, вероятно, никогда не изучались другими историками.

Дополнительные материалы из Национального архива США (USNA) и Японского центра документов по истории Азии (JACAR) были изучены удаленно; в их число входили документы, созданные или собранные ведомствами американского и японского правительств. Стенографические отчеты Государственной думы Российской империи были изучены в онлайн-хранилище Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Источниками фотоматериалов стали Музей истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (МИДВ, Владиво-

⁹³ Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке: Хроника событий 1917–1922 гг. / Ред. С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин. М.: Хабаровск: Дальгиз, 1933.

⁹⁴ Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах.

⁹⁵ Дальсовнарком, 1917–1918 гг.

сток), Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова (ХКМ), ГАКХ и частные коллекции Акиры Саиды и других.

Февральская революция 1917 года и демократический режим во Владивостоке в 1920–1921 годах были, вероятно, лучшим временем для дальневосточной прессы, практически полностью свободной от любой цензуры. Социалистические газеты «Известия Владивостокского Совета» (Владивосток), «Воля» (Владивосток) и «Дальневосточное обозрение» (Владивосток); леволиберальные «Приамурские известия» (Хабаровск), «Вечер» (Владивосток); умеренно националистические «Дальний Восток» (Владивосток) и «Голос Родины» (Владивосток); консервативное «Уссурийское слово» (Никольск-Уссурийский), прояпонское «Владиво-Ниппо» («Ежедневные новости Владивостока»), публиковавшееся под надзором японского командования во Владивостоке, и другие газеты изучаемого периода позволили проследить ход ключевых общественных дискуссий в регионе в революционный период. Большинство газет были изучены в Национальной библиотеке Финляндии (Хельсинки), Российской государственной библиотеке (Москва) и РГИА ДВ. Кроме этого, настоящее исследование опиралось на две репрезентативные тематические коллекции газетных вырезок, опубликованные Н. А. Троицкой⁹⁶.

«Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Крисчен сайенс монитор», «Осака майнити синбун», «Норт чайна стандарт» и другие международные газеты позволили посмотреть на события в регионе с транснациональной перспективы. Российские эмигрантские газеты из собрания Государственной публичной исторической библиотеки (Москва) были использованы для реконструкции взглядов оппозиционных большевикам групп на события, происходившие на Дальнем Востоке.

Большинство событий, упомянутых в газетах, были проверены и помещены в более широкий контекст при помощи архивных документов и других источников. В целом информация о событиях в регионе, опубликованная в «Приамурских известиях», «Воле», «Дальнем Востоке», «Голосе Родины» и «Известиях Владивостокского Совета» (до конца 1917 года), оказалась достоверной, хотя эти газеты иногда и допускали ошибки в именах и датах. Слухи и мнения изучались исключительно как слухи и мнения и служили источниками только для реконструкции индивидуальных реакций на исторические события. В официальных газетах правительств и организаций, в первую очередь в «Приамурских известиях», которые издавал в 1917 году комиссар Временного правительства по делам Дальнего Востока Александр Николаевич Русанов, печатались важнейшие документы, которые в оригинале обнаружены не были. Большинство дат и имен были проверены по нескольким источникам, но некоторые оставлены в газетном варианте, поскольку другие источники содержали недостаточно информации. Новости о ДВР в газетах, издававшихся за пределами региона, оказались в основном недостоверными, а потому они были использованы лишь для установления мнений и событий вне региона.

Настоящее исследование в малой степени использовало такие личные документы, как письма и мемуары, ввиду их общей ненадежности. Тем не менее автобиографические труды некоторых ключевых действующих лиц позволили реконструировать их личные взгляды на основные события. Особенно ценными оказались несколько книг, написанных как прямыми участниками событий, так и менее вовлеченными в них наблюдателями. Кроме того, мемуары большевика Никифорова⁹⁷, либерала Льва Афанасьевича Кроля⁹⁸, консерваторов Георгия Константиновича Гинса⁹⁹ и Владимира Петровича Аничкова¹⁰⁰, а также монархиста Сергея

⁹⁶ Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX в.): документы и материалы: В 2 кн. / Сост. Н. А. Троицкая и др.; ред. Н. А. Троицкая. Владивосток: РГИА ДВ, 2004. Кн. 2; Владивосток, 1922 год: жизнь города на страницах газеты «Голос Родины» / Сост. и ред. Н. А. Троицкая. Владивосток: РГИА ДВ, 2012.

⁹⁷ Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М., 1963.

⁹⁸ Кроль Л. А. За три года: воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток: Тип. изд-ва «Своб. Россия», 1921.

⁹⁹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг. Пекин: Типо-литография

Петровича Руднева¹⁰¹, мемуары и интервью с антибольшевистскими военными лидерами¹⁰² и мемуары американских и чехословацких офицеров¹⁰³ стали источником уникальной фактической информации, которую отчасти удалось проверить при помощи других источников, но в большинстве случаев она была включена в примечания, а не в основной текст.

Имеющиеся документы, а также сообщения ежедневных газет, представляющих весь политический спектр, позволили разобраться в хитросплетениях имперского кризиса и имперской трансформации, изучить особенности имперского и революционного дискурсов и реконструировать интеллектуальную и политическую историю ДВР от идеи до ликвидации.

Русской духовной миссии, 1921. Т. 1–2.

¹⁰⁰ *Аничков В. П.* Екатеринбург – Владивосток, 1917–1922. М.: Русский путь, 1998.

¹⁰¹ *Руднев С. П.* При вечерних огнях: воспоминания. Харбин: Заря, 1928.

¹⁰² *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты: воспоминания / Под ред. В. Д. Вегмана. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925; Допрос Колчака / Под ред. К. А. Попова; подгот. к печати М. М. Константинов. Л.: Гос. изд-во полит. литературы, 1925; *Молчанов В. М.* Последний белый генерал: устные воспоминания, статьи, письма, документы // Сост. Л. Ю. Трёмсина. М.: Айрис-пресс, 2012; *Семёнов Г. М.* О себе: воспоминания, мысли и выводы. М.: Вече, 2013;

¹⁰³ *Gajda R.* Moje paměti. Brno: Jota, 2008; *Graves W. S.* America's Siberian Adventure, 1918–1920. N. Y.: Peter Smith, 1941.

Глава 1

Леволлиберальный национализм и самоорганизация к востоку от Байкала, 1905–1916 годы

На первом этапе имперской трансформации, с момента начала Первой русской революции (1905–1907 гг.) и до падения царского правительства в феврале – марте 1917 года, в политических дискуссиях империи центральное место занял леволиберальный национализм. Этот разнородный дискурс распространился среди широких общественных кругов, хотя и был по-прежнему локализован в первую очередь в городах. Оппозиционная общественность приветствовала идею самоорганизованной (или самодеятельной) имперской нации. Леволлиберальный национализм был инклюзивным и провозглашал равенство различных этнических, религиозных, региональных и иных социальных групп империи, однако в некоторых его вариантах оставалось место для имперских иерархий. Единого мнения о том, как именно будет выглядеть распределение всеобщих и особых прав, среди его сторонников не было. Бурят-монгольские, корейские, украинские, еврейские и другие националисты, регионалисты и сторонники иных партикуляристских идей принимали участие в дискуссиях, но вопросы автономии и политического представительства остались неразрешенными. Более того, несмотря на свои ярко выраженные гражданские и прогрессивные установки, леволиберальный национализм оставался этатистским: в число его идеалов входило благо Российского государства. Две масштабные современные войны, Русско-японская (1904–1905 гг.) и Первая мировая (1914–1918 гг.), показавшие неэффективность царской власти в деле защиты Российского государства, привели к консолидации леволиберального национализма как гетерогенного оппозиционного и патриотического дискурса, а также программы имперской самоорганизации. Именно в этом контексте произошла консолидация российского Дальнего Востока как нового имперского региона. Интересы Дальнего Востока не противоречили единству российской имперской нации. Дальневосточные регионалисты, следуя в русле леволиберального националистического дискурса, считали самоорганизацию средством разрешения проблем региона, проистекавших из неэффективности централизованной системы управления.

С точки зрения многих наблюдателей, как российских, так и иностранных, Русско-японская война продемонстрировала кризис самодержавия как политической системы и доказала эффективность реформированной Японской империи¹⁰⁴. Военные неудачи, вкупе с социальным неравенством, угнетением этнических и религиозных меньшинств и чрезмерной централизацией, способствовали распространению убеждения в том, что только самоорганизация российской имперской нации «снизу» сможет сделать государство эффективным. Многие представители образованных слоев империи были сторонниками самоорганизации, но подходили к этой идее по-разному. Либералы, объединившиеся вокруг Союза земцев-конституционалистов и Союза освобождения, считали, что парламентаризм и демократия (в политическом смысле) позволят пересобрать Российское государство. Представители земств предпринимали организованные усилия по помощи государству в условиях войны, но первый легальный Земский съезд (Петербург, 6–9 ноября 1904 г.) выдвинул политические требования, в том числе введение гражданских свобод и созыв парламента («народного представительства»)¹⁰⁵. Во второй раз после 1895 года местные деятели озвучили подобные требования. На этот раз царь прислушался к ним в большей степени, чем девять лет назад. 12 декабря 1904 года Николай II

¹⁰⁴ См., например, заметку о падении Порт-Артура: *The New York Times*. 1905, 7 января. С. 6.

¹⁰⁵ General Committee of the Russian Union of Zemstvos. *Russian Union of Zemstvos: A Brief Report of the Union's Activities during the War, with an Introductory Note by Prince G. E. Lvov*. Moscow, January 1916. London: P. S. King & Sons, 1917. P. 4.

выразил свою заинтересованность в реформах: речь шла о том, чтобы расширить права органов самоуправления, улучшить положение рабочих, увеличить религиозную терпимость, улучшить положение этнических меньшинств, ослабить цензуру и политические репрессии. Но возобладало насилие. Расстрел мирного шествия в Петербурге 9 января 1905 года, известный как Кровавое воскресенье, стал символическим началом Первой русской революции¹⁰⁶.

Союзное движение (то есть создание различных союзов и прочих организаций), начавшееся с земского движения, превратилось на протяжении 1905 года в главную форму политической самоорганизации. Хотя в 1906–1907 годах революционные выступления и беспорядки были подавлены силой, революция повлекла за собой серию реформ, в результате которых Россия превратилась в конституционную монархию. Октябрьский манифест, пожалованный 17 октября 1905 года, даровал российским подданным гражданские свободы. Основные государственные законы Российской империи, принятые 23 апреля 1906 года, стали конституцией. Государственная дума, которая была учреждена в августе 1905 года как законосовещательное учреждение, а по Октябрьскому манифесту получила законодательные права, стала нижней палатой имперского парламента, а реформированный Государственный совет – верхней. Первая дума, открывшаяся 27 апреля 1906 года, стала форумом для оппозиционных политиков, но оказалась недолговечной. 8 июля 1906 года в ответ на решительную критику со стороны леволиберального (либерального и умеренно социалистического) большинства Думы царь ее распустил. Но Вторая дума, собравшаяся 20 февраля 1907 года, оказалась не менее оппозиционной. Продолжающаяся критика правительства и обсуждение законопроекта о гражданских правах¹⁰⁷ стали поводом для нового конфликта, и 3 июня 1907 года царь вновь распустил нижнюю палату парламента. Роспуск Второй думы, сопровождавшийся принятием более жесткого избирательного закона, стал известен как «третьеиюньский переворот» и обозначил символическое окончание революции¹⁰⁸.

Гражданские свободы по-прежнему нарушались, большинство населения так и не получило возможности принять участие в выборах, а парламента не оказывал фактически никакого влияния на кабинет министров: все это способствовало сохранению оппозиционных настроений. Тем не менее революция и Дума, в которой заседали в том числе и представители меньшинств и крестьянства, способствовали переменам в имперской политике: дискуссии, которым прежде предавалась лишь горсточка нелегальных и полуполигальных организаций, многие из которых существовали в эмиграции¹⁰⁹, теперь стали открытыми. В ходе этих дискуссий социалисты, либералы и беспартийные прогрессивные интеллигенты соглашались, что именно демократия позволит пересобрать империю. Хотя слово «демократия» имело множество разнообразных значений, среди которых были гражданские свободы, представительное правление, социальная справедливость, децентрализация и национальное самоопределение, идея самостоятельности (самоорганизации) отдельных людей или групп была ключевой. Самоорганизация общества противопоставлялась государственной опеке¹¹⁰.

Революция принесла эти дискуссии в Приамурское генерал-губернаторство, по-прежнему считавшееся частью Сибири, как и на другие окраины империи. Несмотря на все противо-

¹⁰⁶ Ричард Пайпс видел в земском движении 1904 года начало Первой русской революции: *Pipes R. The Russian Revolution*. N. Y.: Vintage Books, 1991. P. 18–21 (см. русск. перевод: *Пайпс Р. Русская революция*. М., 2005).

¹⁰⁷ Государственная дума, второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб.: Гос. тип., 1907.

¹⁰⁸ Полгода русской революции: Сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.) / В. П. Обнинский. М.: Тип. И. Н. Холчев и Ко, 1906. Вып. 1. С. VII, 1–4, 176–180; *Fedyashin A. Liberals under Autocracy: Modernization and Civil Society in Russia, 1866–1904*. Madison: University of Wisconsin Press, 2012.

¹⁰⁹ *Semyonov A. «The Real and Live Ethnographic Map of Russia»: The Russian Empire in the Mirror of the State Duma // In Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire / Ed. by I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. Leiden: Brill, 2009. P. 191–228.*

¹¹⁰ Среди прогрессивной российской интеллигенции еще с конца XIX века распространилось представление об общечеловечности как носительнице гражданского долга (*Smith S.A. Russia in Revolution: An Empire in Crisis*. P. 41–42).

речия и растущее соперничество трех главных оппозиционных партий – либеральной Конституционно-демократической партии (кадетов), Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП, или С.-Д., эсдеков) и Партии социалистов-революционеров (С.-Р., эсеров), к востоку от Байкала среди городской интеллигенции, а также активистов из рабочих, меньшинств и даже крестьян царил консенсус по вопросу о демократической самоорганизации. За вычетом военных бунтов во Владивостоке и Харбине и небольших стычек революция к востоку от Байкала была, по большому счету, ненасильственной; здесь не было погромов или крестьянских волнений. Более того, власти региона, как правило, не подавляли местные движения; царь и председатель Совета министров Сергей Юльевич Витте были вынуждены отправить на Дальний Восток специальные карательные экспедиции.

Сибирское областничество, бурят-монгольский национализм и другие партикуляристские проекты, казалось, прекрасно вписываются в схему революционной самоорганизации, в рамках которой автономные единицы должны были превратиться в строительные блоки нового имперского государства. Первая и Вторая думы способствовали налаживанию связей между различными региональными, социальными, религиозными и этническими группами империи. Формирование казачьей, сибирской, мусульманской и других парламентских групп, а также программы трех главных оппозиционных партий позволили наметить формы самоорганизации¹¹¹. Хотя Приамурское генерал-губернаторство не было представлено в двух первых думах, его представители, а также представители Забайкальской области¹¹² в Третьей и Четвертой думах быстро взяли на вооружение язык самоорганизации, периодически называя себя дальневосточниками. Хотя избирательным правом обладал только имущий класс, все девять дальневосточных депутатов (забайкальские, амурские и приморские) принадлежали к леволберальной оппозиции и блокировались с кадетами, Трудовой группой (трудовиками) и социал-демократами.

Дума так и не превратилась в реально функционирующий парламент; царь и кабинет министров принимали решения в одностороннем порядке. Но парламентские дискуссии позволили определить российский Дальний Восток – Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области – как единую территорию, объединенную общими проблемами и общими интересами. Камчатская и Сахалинская области, отделенные от Приморской области в 1909 году и не имевшие представителей в парламенте, тоже считались частью региона. Впрочем, этот самоорганизованный имперский регион не включал Зону отчуждения КВЖД (тоже не представленную в Думе). Дальневосточные депутаты не только выступали против официальной позиции, выразившейся в объединении Приамурского генерал-губернаторства с маньчжурскими владениями в Дальневосточное наместничество в 1903–1905 годах, но и противопоставляли Маньчжурию российскому Дальнему Востоку. Маньчжурия была конкурентом Приморья и Приамурья и воплощением связанных с самодержавием проблем. До Русско-японской войны правительство развивало КВЖД и маньчжурские порты – Порт-Артур и Дальний (Далянь или Дайрен), утраченные в 1905 году вместо того, чтобы строить железную дорогу вдоль Амура и вкладывать деньги в порты на российской (а не арендованной) территории. Непродуманная внешняя политика Петербурга угрожала безопасности переселенцев. Отмена порто-франко (режима беспшлинной торговли) на российском Дальнем Востоке нанесла еще один удар по интересам региона, снизив конкурентоспособность Владивостока относительно маньчжурских портов. При этом, однако, интересы Дальнего Востока не противопоставлялись интересам Сибири. Все

¹¹¹ *Semyonov A.* «The Real and Live Ethnographic Map of Russia»; *Tsiunchuk R.* Peoples, Regions, and Electoral Politics: The State Dumas and the Constitution of New National Elites // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* / Ed. by J. Burbank, M. Von Hagen, A. Remnev. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. P. 366–397.

¹¹² Забайкальская область, от которой во Вторую государственную думу было избрано три представителя, была передана из Приамурского генерал-губернаторства в Иркутское в 1906 году.

дальневосточные депутаты примкнули к сибирским в вопросе введения земского самоуправления в Северной Азии, тем самым поддержав лозунги сибирского областничества¹¹³.

Первая русская революция была подавлена, а Дума так и не сумела стать проводницей реформ, но это не означало, что политическая активность на местах угасла. Гражданское общество империи пережило «годы реакции» (1907–1917 гг.)¹¹⁴. Борьба с оппозицией привела к росту числа ссыльных в Северной Азии; многие из этих ссыльных придерживались радикальных социалистических взглядов. Эсеры, действовавшие на местном уровне, а до 1910 года и в Японии, создали по всему региону партийные ячейки. Своя сеть в регионе появилась и у социал-демократов: ее центром была Чита. Сибирские областники в большинстве своем придерживались умеренных взглядов, что привело к конфликтам с радикальными ссыльными¹¹⁵. Но идеи Григория Николаевича Потанина и его единомышленников оставались популярны и привлекали новых сторонников, в том числе и бывших социал-демократов. Кроме того, новый виток подавления социалистических организаций в 1910 году закрыл им доступ к публичным дискуссиям, предоставив преимущество умеренным оппозиционерам.

Аграрные реформы 1906–1911 годов увеличили число переселенцев. С 1908 по 1917 год около 300 тысяч переселенцев (в основном бедные крестьяне из европейской части империи) переехали в Приамурское генерал-губернаторство. После японской оккупации и аннексии Кореи в 1905–1910 годах выросла численность и корейских переселенцев, и политических иммигрантов. Примерная общая численность корейцев в Приморье выросла с 24 тысяч в 1900 году до 64 тысяч в 1914 году¹¹⁶. В 1914 году общая численность населения Забайкальской (945 700), Амурской (250 400), Приморской (606 600), Камчатской (40 500) и Сахалинской (33 500) областей достигла 1 802 700 человек – почти вдвое больше, чем в 1897 году, когда на этой же территории жили 1 043 792 человека¹¹⁷. Массовое переселение противоречило земельным интересам коренных народов и переселенцев-старожилов (в том числе и казаков). Отчуждение бурят-монгольских земель в пользу переселенцев стало ключевым фактором, подтолкнувшим их национальное движение к дальнейшему развитию.

Бурят-монгольский национализм и национальные движения других меньшинств, активно развивавшиеся в период с 1905 по 1917 год, следовали за имперской тенденцией, которую заложила Первая русская революция и общение представителей оппозиции в Первой и Второй думах. Студенты Владивостокского Восточного института и другие интеллектуалы создали в 1907–1911 годах первые украинские организации на российском Дальнем Востоке¹¹⁸. Корейские, китайские и японские общества стали связующим звеном между самоорганизацией

¹¹³ Ядрищев Н. М. Сибирь, как колония.

¹¹⁴ Smith S. A. Russia in Revolution: An Empire in Crisis. P. 10.

¹¹⁵ Сибирская ссылка / Ред. Н. Ф. Чужак. М.: Изд-во политкагоржан, 1927: Сб. 1. С. 84.

¹¹⁶ Stephan J. J. The Russian Far East. P. 66–67, 75–76.

¹¹⁷ Общее население Российской империи составляло на 1914 год 178 378 800 человек. Если говорить о Дальневосточном регионе, крестьяне составляли 52,9 % населения в Амурской области, 35,6 % в Забайкальской области и 39,1 % в Приморской области – существенно меньше, чем в среднем по Сибири (70,9 %). Казаки составляли значительную часть населения Амурской (17,9 %) и Забайкальской (29,1 %) области. Инородцев насчитывалось 27,4 % в Забайкальской и 24,7 % в Приморской областях. Русских в этническом смысле насчитывалось 86,4 % в Амурской области, 66,3 % в Забайкальской и 52,6 % в Приморской области и российской части Сахалина. Как и в других частях империи, большинство людей (86 %) жили в сельской местности (в Северной Азии в целом доля сельского населения составляла 90 %), но дальневосточные города тоже росли. Население Владивостока выросло с 1897 по 1910 год с 28 933 до 84 600 человек; Читы – с 11 511 до 74 300; Благовещенска – с 32 834 до 64 400; Хабаровска – с 14 971 до 43 300; Николаевска – с 5684 до 16 400; Верхнеудинска – с 8086 до 15 200. Никольск-Уссурийский, не считавшийся городом в 1897 году, в 1910 году уже насчитывал 34 600 жителей (Атлас Азиатской России / Под общ. рук. Г. В. Глинки. СПб.: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Ил. 61; Институт демографии Национального исследовательского университета; Центральный статистический комитет МВД. Статистический ежегодник России, 1914 г. Пг.: Тип. Штаба Петроградского военного округа, 1915. С. 53–55, 64–65, 88–89).

¹¹⁸ Чертомаз В. А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 60, 85–90.

в Российской империи и аналогичным движением в Японской и Цинской империях. Корейские партизаны и политические активисты использовали российский Дальний Восток как базу для операций против Японии, установив тем самым связь между регионом и корейским национальным движением в целом. Подобным же образом бурят-монгольские интеллектуалы, сотрудничавшие с правительством автономной Внешней Монголии, после крушения Цинской империи внесли свой вклад в создание общемонгольского политического сообщества. Элбек-Доржи Ринчино и другие бурят-монголы также принимали участие и в сибирском областническом движении¹¹⁹.

В годы Первой мировой войны приток поселенцев из европейских губерний сократился. Многие российские подданные, в том числе бурят-монголы и корейцы, были призваны на фронт или на тыловые работы. Значительная доля жителей Дальнего Востока оказалась в армии (на 1917 год 13 % всего населения Забайкальской области, 10,8 % населения Приморской области и 12,5 % населения Амурской области), что привело к нехватке рабочих рук¹²⁰. При этом спрос на них продолжал расти: после того как Германия и ее союзники фактически установили контроль над Балтийским и Черным морями, Владивосток остался единственным крупным российским портом, принимавшим военные и гражданские грузы. Война привела к развитию не только транспортной отрасли, но и военной и угольной промышленности¹²¹. Спрос на рабочие руки должны были удовлетворить новые мигранты из Кореи и Китая. В 1916 году на территорию Приамурского генерал-губернаторства прибыли 50 тысяч китайцев, и общая численность иностранных подданных на его территории выросла до 150 тысяч. Экономика военного времени повлияла и на социальную структуру населения. Хотя общая численность населения Приамурского генерал-губернаторства с 1914 по 1916 год выросла всего на 1 %, доля городского населения увеличилась до 32 % в 1917 году¹²². Как и в других частях Российской империи, на Дальнем Востоке существовало недовольство растущими ценами и нехваткой товаров, но здесь, благодаря значительному присутствию иностранной рабочей силы и преобладанию временного наемного труда, это недовольство так и не переросло в организованное движение. Число забастовок тем не менее выросло с шести за период с июля 1914 по конец 1915 года до двадцати в 1916 году¹²³.

В годы Первой мировой войны многие либералы, задействованные в земских и городских самоуправлениях по всей империи, выступили за сотрудничество с умеренными социалистами и, принимая во внимание недостатки Думы, выражали все больший интерес к внепарламентской демократии. Самоорганизация на базе земств, городских самоуправлений, военно-промышленных комитетов, кооперативов (кредитных, потребительских и производственных), организаций крестьян, рабочих, торговцев и представителей национальных меньшинств сле-

¹¹⁹ Ринчино Э.-Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия (1914) // Ринчино Э.-Д. Документы, статьи, письма / Редкол.: Р. Д. Нимаев, Б. Б. Батуев, С. Б. Очиров, Д.-Н. Т. Раднаев. Улан-Удэ: Ред. – изд. отдел Минпечати Республики Башкирия, 1994. С. 34.

¹²⁰ В среднем 11,2 % российского населения было призвано на войну. Более высокий процент в Забайкальской и Амурской областях объясняется значительной численностью казачьих войск в этих областях (Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. С. 111–112).

¹²¹ Впрочем, Масафуми Асада показал в своем исследовании, что пропускная способность Владивостокского порта и российских железных дорог в годы войны оказалась недостаточной, что привело к накоплению большого объема грузов (Asada M. Making a Vancouver in the Far East: «The Trinity Transportation System» of the Chinese Eastern Railway, 1896–1917 // *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945* / Ed. by K. Matsuzato. Lanham, MD: Lexington Book, 2017. P. 76–77).

¹²² Как официальные, так и предположительные данные о населении были в 1900–1910-е годы ненадежными. По оценке Джона Дж. Стефана, численность беженцев с территории Украины и из прибалтийских губерний достигла нескольких сот тысяч человек (Stephan J. J. *The Russian Far East*. P. 80, 107).

¹²³ Галлямова Л. И. Дальний Восток России в годы Первой мировой войны: экономический и социальный аспекты // Первая мировая война и российская провинция: материалы международной научной конференции. Орел, 29 апреля 2014 г. Орел: Орлик, 2014. С. 113–132; Иконщикова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ун-т, 1999.

довала лекалам союзного движения Первой русской революции и ставила своей целью укрепление российской имперской нации ради победы в войне. Такая самоорганизация вполне соответствовала идеям анархистов и социалистов о выстраивании организации общества снизу вверх. Но, в отличие от радикалов, многие российские либералы были сторонниками системы неравного представительства, предоставлявшей имущему классу непропорциональное влияние на принятие решений¹²⁴. Впрочем, ни это противоречие, ни другие разногласия, существовавшие между либералами и социалистами, не помешали формированию широкого лево-либерального национального консенсуса, направленного против самодержавия. Политическая фрагментация обозначилась лишь в ходе революции 1917 года.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, 1905–1907 ГОДЫ¹²⁵

В Северной Азии Первая русская революция в основном ограничилась городами и территориями вблизи железной дороги. Благодаря сравнительному изобилию пахотных угодий, а также отсутствию наследия крепостного права и крупного землевладения здесь не было масштабного крестьянского движения, как в европейских губерниях империи. Вместе с тем революция продемонстрировала, что недовольство имперской централизацией и стремление к экономическим и политическим реформам широко распространены. Железнодорожные рабочие и служащие, телеграфные служащие, ссыльные, интеллигенты (в том числе находящиеся в Японии) и военнотруженики стали главными участниками революции к востоку от Байкала. Партийные ячейки эсдеков и эсеров, а также бурят-монгольская интеллигенция способствовали политической мобилизации, но ситуация вдоль железной дороги по-настоящему обострилась из-за затяжного передвижения войск на запад, которое началось после Портсмутского мирного договора 23 августа 1905 года и стало символом неэффективности государства. Осенью-зимой 1905 года многие рабочие, горожане и некоторые крестьяне приняли участие в митингах и съездах. Так Первая русская революция возвестила начало массовой политики в Приамурском генерал-губернаторстве.

Уже в XIX веке политические ссыльные, многие из которых работали учителями, издавали и распространяли нелегальную литературу, а также занимались устной пропагандой, принесли в Северную Азию либеральные и социалистические идеи. И социалистов, и либералов вдохновляло движение декабристов, возникшее в результате Наполеоновских войн и увенчавшееся восстанием 14 декабря 1825 года. Декабристов называли «первыми революционерами», которые принесли в Россию концепцию гражданской нации и другие идеи, возникшие во французском и американском контекстах¹²⁶. Восемьдесят четыре декабриста были сосланы в Забайкалье, где некоторые из них внесли свой вклад в самоорганизацию общества¹²⁷. Следующими крупными группами политических ссыльных стали польские националисты, сосланные в Сибирь после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов. В последующие десятилетия самыми заметными среди ссыльных стали социалисты. На рубеже XIX и XX веков бывшие ссыльные народники Людмила Александровна Волкенштейн и Борис Дмитриевич Оржих переехали с

¹²⁴ *Bakunin M. Federalism, Socialism, Anti-Theologism (1867) // Bakunin on Anarchy: Selected Works by the Activist-Founder of World Anarchism. N. Y.: Vintage Books, 1972. P. 102–147 (см. на русском: Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989); Mill J. S. Considerations on Representative Government. 2nd ed. London: Parker, Son, and Bourn, 1861 (см. на русском: Милль Д. С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863); Resnick Ph. The Political Theory of Extra-Parliamentarism // Canadian Journal of Political Science. 1973. № 6 (1). P. 65–88.*

¹²⁵ Подробнее см.: *Sablin I. Democracy in the Russian Far East during the Revolution of 1905–1907 // Russian History. 2017. № 44 (2–3). P. 449–475.*

¹²⁶ *Rabow-Edling S. The Decembrists and the Concept of a Civic Nation // Nationalities Papers. 2007. 35 (2). P. 369–391.*

¹²⁷ Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы / Под ред. А. В. Харчевникова. Чита: Тип. Акционер. о-ва Печатное дело, 1925. С. 7–21.

Сахалина во Владивосток и занялись общественной деятельностью и, в случае Оржиха, журналистикой. Впрочем, многие ссыльные отказались от радикальных взглядов, тем самым укрепляя умеренные настроения дальневосточных интеллигентов, часто подчеркивавших, что они отстаивают равенство возможностей, а не равенство распределения¹²⁸.

На первых порах подпольные группы не имели четкой партийной принадлежности, но строительство Транссибирской магистрали привело в Сибирь множество рабочих из Европейской России, сделав популярным социал-демократическое движение. В 1898 году Миней Израилевич Губельман, родившийся в семье ссыльных в Чите, создал первый социал-демократический кружок к востоку от Байкала. Сибирский социал-демократический союз, объединивший ряд местных кружков в Северной Азии, а в 1903 году вошедший в состав РСДРП, стремился перенаправить рабочее движение из «узкого русла» профсоюзной политики на «широкий путь социал-демократической политической борьбы против всего существующего строя». Впрочем, организация сама признала себя «оторванной» от народных масс: к началу 1905 года под ее влиянием находилось не более 200–250 рабочих¹²⁹.

Близость региона к Японии и Русско-японская война способствовали развитию транснациональной политической деятельности. Эсеровская газета «Япония и Россия», которую бывший народник Николай Константинович Судзиловский (Николас Руссель) публиковал в Японии, в Кобе, способствовала распространению оппозиционных идей среди российских военнопленных. Американский путешественник и писатель Джордж Кеннан, известный критик русского самодержавия, и польский этнограф и бывший ссыльный-народник Бронислав Пилсудский работали над созданием революционных групп среди военнопленных¹³⁰.

Когда Северной Азии достигли вести о Кровавом воскресенье, социал-демократы призывали к всеобщей стачке. В январе – феврале 1905 года бастовали железнодорожные рабочие Читы и Верхнеудинска. Стачки продолжались весной и осенью 1905 года, несмотря на введение девятичасового рабочего дня на российских железных дорогах, но социал-демократы не сумели сделать это движение политическим. Бастующие по-прежнему выдвигали прежде всего экономические требования – восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы, оплачиваемый ежегодный отпуск и отпуск по болезни, а также бесплатное образование для детей работников. Экономическое положение осложнилось из-за дополнительной нагрузки на железные дороги в военное время. Война окончилась, но демобилизация и транспортировка военнослужащих, находившихся к востоку от Байкала, затянулась. Для железнодорожных рабочих это означало не только долгие часы работы, но и дурное обращение со стороны военнослужащих, которые требовали, чтобы в первую очередь перевозили именно их, а порой и применяли силу¹³¹.

Именно экономические требования были изначальной причиной создания по всей стране профессиональных и профессионально-политических союзов, стачечных комитетов и советов, но в скором времени многие организации составили и политические программы. К примеру, Всероссийский союз железнодорожных рабочих и служащих указывал в своих программных документах, что при отсутствии гражданских свобод экономические права недостижимы. Заявляя, что царское правительство гражданские свободы не обеспечит никогда, он призывал к избранию Учредительного собрания тайным голосованием на всеобщих, прямых, равных выборах без различия пола, национальности или религии, что позволило бы сформировать

¹²⁸ Сибирская ссылка: Сб. 1. С. 27–29; *Нимандер Е. П.* Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. СПб.: Сенатская тип., 1908. С. 3–4; *Stephan J. J.* The Russian Far East. P. 68–80.

¹²⁹ *Нимандер Е. П.* Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты. С. 5–10, 192.

¹³⁰ *Курата Ю.* Лагерь русских военнопленных в Хиросаки и факты из жизни Хрисанфа Платоновича Бирича // Известия Восточного института. 2010. № 16. С. 71–88.

¹³¹ *Кудряжский М. А.* Владивосток в 1905 г.: из наблюдений очевидца. Ч. 1 // Минувшие годы. 1908. № 4. С. 29–36; *Шиловский М. В.* Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. С. 11, 69, 89–90.

в России новое правительство¹³². Хотя весной и летом 1905 года железнодорожные рабочие к востоку от Байкала практически не имели связи с главными рабочими объединениями и не принимали участия в формировании Всероссийского железнодорожного союза, они постепенно вступили в движение, охватившее всю империю.

Либеральное и более широкое прогрессивное движения тоже росли не слишком быстро: отсутствие земств замедлило появление в регионе либерального движения по образцу европейской части империи. Предложение царя местным общественным силам принять участие в усовершенствовании государственного порядка, прозвучавшее 18 февраля 1905 года, подтолкнуло существующие органы самоуправления к участию в революции. Весной 1905 года в Благовещенской городской думе начались регулярные дискуссии о реформах. Через несколько месяцев она обратилась к царю с просьбой создать парламент¹³³. Отсутствие в регионе земств компенсировалось существованием других организаций. Начиная с июня 1905 года владивостокское Общество изучения Амурского края обсуждало нужды сельского населения, получив на то дозволение Георгия Николаевича Казбека, коменданта Владивостокской крепости. По словам беспартийного прогрессиста и военного врача Михаила Александровича Кудржинского, организация раскритиковала управление и послала в Петербург резолюцию, призывавшую к созыву Учредительного собрания¹³⁴.

Во время дискуссий об имперской самоорганизации выдвинули свой партикуляристский проект и сибирские областники. 3 апреля 1905 года Николай II приказал иркутскому генерал-губернатору рассмотреть вопрос о введении земского самоуправления. Хотя этот приказ относился только к иркутскому генерал-губернаторству, он вдохновил дискуссию о земстве по всей Северной Азии, и главным центром дебатов сибирских областников стал Томск. Большинство проектов децентрализации исходили из единства Сибири от Урала до Тихого океана. Бывший народник Иван Иванович Попов, изложивший свой проект в Иркутске, предлагал создать два отдельных земских региона, Восточную и Западную Сибирь. Таким образом, он впервые в истории озвучил подробный регионалистский проект для восточной части Северной Азии. Проект предусматривал народное представительство и четырехступенчатое самоуправление на уровне волости, уезда, губернии/области и региона в целом. Кроме предлагаемой системы, вписывавшейся в дискуссию о земстве в целом, иркутский проект предусматривал в будущем создание национально-автономных территорий для меньшинств Северной и Центральной Азии¹³⁵.

28–29 августа 1905 года Потанин, депутат Томской городской думы Петр Васильевич Вологодский и другие сибирские областники учредили в Томске Сибирский областной союз для координации своих усилий. Программа союза предусматривала создание регионального парламента, Сибирской областной думы, в чью компетенцию вошли бы местные пути сообщения, участие в установлении тарифов, инородческий и другие вопросы. Подобно многим созданным в Северной Азии союзам, Сибирский областной союз включал в себя представителей разных партий и беспартийных интеллигентов¹³⁶. К великому сожалению сибирских областников, идея местного самоуправления, по всей видимости, не была особенно популярна в Сибири. Либеральная областническая газета «Сибирская жизнь» (Томск) цитировала слова журналиста, говорившего с крестьянами: «Все сибиряки относятся к этому безразлично, ско-

¹³² Профессиональное движение. Материалы и документы / Сост. А. Кац, Ю. Милонов; под общ. ред. М. Н. Покровского. М.: Гос. соц. – экон. изд-во, 1926. С. 242–243.

¹³³ Сибирская жизнь. 1905, 27 августа. С. 2; 1905, 7 сентября. С. 2.

¹³⁴ Кудржинский М. А. Владивосток в 1905 г.: из наблюдений очевидца. Ч. 1 // Минувшие годы. 1908. № 4. С. 30–31.

¹³⁵ Шиловский М. В. Первая русская революция. С. 73–81.

¹³⁶ Потанин Г. Н. Нужды Сибири (1908) // Потанин Г. Н. Избранное / Сост. А. П. Казаркин. Томск: Томская писательская организация, 2014. С. 113–114; Шиловский М. В. Первая русская революция. С. 99–101.

рее с опаской, видя в земстве такое же начальство, как крестьянские начальники и полицейские урядники»¹³⁷.

Хотя сибирские областники затронули вопрос самоуправления меньшинств, толчком к дальнейшему развитию бурят-монгольского национального движения (которое, впрочем, уже шло по нарастающей из-за русского переселенческого движения и ограничения прав коренного населения) стал другой документ – царский указ об укреплении начал веротерпимости, подписанный 17 апреля 1905 года. На первый съезд бурят Забайкальской области, состоявшийся в Чите 26–30 апреля 1905 года, явились 163 светских и религиозных делегата, в том числе глава забайкальских буддистов Пандито Хамбо-лама Чойнзон-Доржо Иролтуев и петербургские студенты Базар Барадийн (Барадин) и Цыбен Жамцарано¹³⁸. Свое разрешение на съезд дал Иван Васильевич Холщевников, военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. Хотя он запретил говорить о недавней отмене бурятских степных дум – органов самоуправления, объединявших несколько административных родов и существовавших на протяжении большей части XIX века, делегаты все равно обсудили вопросы бурятского самоуправления, образования и землепользования¹³⁹.

Съезд призвал к созданию самоуправления в границах существования прежних степных дум, представив их территориальными, а не родовыми единицами. Бурятские и эвенкийские (тунгусские) общества (местные единицы) должны были посылать представителей на регулярные инородческие съезды Забайкальской области. Проект инородческого самоуправления включал в себя выборные суды, кодификацию обычного права и судопроизводство на бурятском языке. Буряты должны были получить право на частное землевладение, которого в Северной Азии были лишены инородцы и евреи¹⁴⁰. Начальное образование должно было включать обязательные уроки монгольского письма (которое использовалось и для бурятского языка). С точки зрения прогрессиста-этнографа Льва Яковлевича Штернберга, этот проект фактически означал введение национальной культурной автономии. Бурятский съезд Иркутской губернии (Иркутск, 20–26 августа 1905 г.), среди 77 делегатов которого был Михаил Николаевич Богданов, поддержал признание за бурятами прав на землю и постановил ввести бесплатное школьное образование, подчинить Хамбо-ламе буддистов, живущих к западу от Байкала, и учредить земское самоуправление для коренных народов. В ходе дискуссий о форме самоуправления бурятские интеллектуалы империи разделились на три группы. Консерваторы стремились восстановить родовые степные думы, прогрессисты (Гомбожаб Цыбиков и Бато-Далай Очиров) выступали за национальное территориальное самоуправление, а западники (Богданов) были открыты европеизации¹⁴¹.

¹³⁷ Сибирская жизнь. 1905, 8 сентября. С. 2.

¹³⁸ Оба тесно сотрудничали с прогрессивными российскими востоковедами (*Tolz V. Russia's Own Orient*).

¹³⁹ Сибирская жизнь. 1905, 8 мая; 1905, 12 мая. С. 2.

¹⁴⁰ Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П., Ремнёв А. В., Суворова Н. Г., Шахеров В. П., Шиловский М. В. Сибирь в составе Российской империи; *Lohr E. Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 36, 75–76 (см. русск. перевод: Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М., 2017).

¹⁴¹ Сибирская жизнь. 1905, 29 октября. С. 2; 1905, 7 сентября; *Курас Л. В.* Национальное и аграрное движение бурят в начале XX в. // Власть. 2011. № 4. С. 150–152.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.